

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

7.2

4 выпуска в год на 17 языках

Диктатура Дутерте

Уолден Белло

Социология
в Пакистане

Аяз Куреши,
Нида Кирмани,
Кавери Куреши,
Таня Саид,
Амен Джаффер

Посвящение
Зигмунту Бауману

Питер МакМайлор,
Мацей Гдула,
Питер Бейлхарц

Канадская социология

Говард Рамос,
Рима Уилкс,
Нил МакЛафлин,
Даниэль Белан,
Патриция Лэндолт,
Шерил Тилаксингх,
Карен Фостер,
Фуюки Курасава

Специальные колонки

- > Борьба мигрантов в университетах США
- > Представляем аргентинскую команду переводчиков

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 7 / ВЫПУСК 2 / ИЮНЬ 2017
www.isa-sociology.org/global-dialogue/

ГД

> От редактора

Социология в эпоху реакции

Дутерте, Эрдоган, Орбан, Путин, Лепен, Модии, Зума и Трамп — кажется, они скроены по одной мерке из одного и того же националистического, ксенофобского, авторитарного полотна. Триумф Трампа зарядил энергией новые антилиберальные движения и правые диктатуры. Несомненно, расцвет политической реакции созрел десятилетиями, в течение которых либеральные демократии продвигали третью волну маркизации с сопутствующими ей прекарностью, исключением и неравенством. Фашистский поворот 1920–30-х гг., предшественник современности, последовал за второй волной маркизации. Он колапсировал в результате Второй мировой войны, но есть ли у нас уверенность в том, что такое же будущее ожидает и нынешних консерваторов и неофашистов? Насколько сильные либеральные институты демократии? Первые дни правления Трампа показали, что такие институты все же не полностью бессильны даже под натиском потока указов нового президента. Статья Портокарреро и Лара Гарсиа описывает университет как площадку сопротивления.

А что в других странах? В настоящем номере Уолден Белло описывает терроризирующие последствия правления филиппинского президента Дутерте, чей приход к власти объясняется неудачами либеральной демократии после свержения режима Маркоса — неудачами, выраженными в беззащитной коррупции и нарастающем неравенстве, дополняемыми подчинением внешней политике США. Такой политический ответ на неудачи либеральной демократии может быть популистским по своему характеру, даже если он защищает интересы господствующих классов и демонизирует стигматизированную часть населения. Дутерте стигматизирует потребителей и распространителей наркотиков, Эрдоган демонизирует курдов, Трамп — иммигрантов, а фашисты в Германии демонизировали не-арийцев. Действительно, перечисление параллелей с германским фашизмом, которое приводит Белло, представляется достаточно убедительным.

Пакистан — еще одна страна, хорошо знакомая с военным правлением, где популистские призывы сопровождают концентрацию экономической власти в руках небольшой клики. Пакистанская социология подвержена значительным ограничениям, однако остается, несмотря на это инновационной и критичной, что мы и видим в настоящем номере, где она представлена статьями о том, как инфраструктурное развитие играет на руку транснациональным корпорациям, как страны Персидского залива осуществляют мониторинг здоровья потенциальных мигрантов для отбора лучших и наиболее продуктивных работников, как выход женщин на рынок труда почти не помогает бороться с проблемой гендерного насилия. Мы также публикуем два исследования пакистанцев в Великобритании, посвященных изменениям в системе брачных отношений и тому, как пакистанские студенты справляются с тем, что они превращаются в мишени секьюритизации. В совокупности пять приведенных исследований демонстрируют пример оригинальной постколониальной социологии, изучающей механизмы подчиненных, социологии, преодолевающей страновые границы.

Гораздо более оптимистической представляется картина канадской социологии. В этом номере канадские социологи обсудят вопросы иммиграции и экологической справедливости. Несомненно, канадская социология гораздо теснее связана с миром политических решений, чем социология Пакистана. Несмотря на снисходительное отношение к социологическим исследованиям бывшего канадского премьер-министра Стивена Харпера, канадских социологов довольно дружелюбно воспринимают в обществе. Их озабоченность статусом собственной науки указывает лишь на масштаб их притязаний к (пока что) социал-демократическому государству.

Если и есть социолог, которому удалось передать в своих работах значимость нашего века, это Зигмунт Бауман, совсем недавно покинувший нас на 92-м году жизни. Три мемуариста описали его экстраординарную жизнь, его глубокие моральные воззрения, которые опираются на идеи своеобразного скептического утопизма. Созданной им социологии суждено жить и вдохновлять читателей еще не один десяток лет.

> «Глобальный диалог» доступен на 17 языках на [сайте MCA](#)

> Присылайте статьи на адрес burawoy@berkeley.edu

Уолден Белло, преданный своему делу ученый, политический активист и глобальный социолог, описывает новый режим филиппинского президента Родриго Дутерте.

Пакистан: транснациональная социология из Лахорского университета управленческих наук.

Зигмунт Бауман: посвящение одному из величайших социологов нашего времени.

Канада: непотопляемая и влиятельная социология из разных уголков страны.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> Редакторский совет

Редактор: Майкл Буравой

Помощник редактора: Гэй Сидман.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Редакторы-консультанты:

Елена Здравомыслова, Маргармет Абрахам, Маркус Шульц, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндоглу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчиян, Саймон Мападименг, Абдул-мумин Саад, Айсе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастоголу, Чин-Чун И.

Региональные редакторы

Арабский мир:

Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Аргентина:

Хуан Игнасио Пиовани, Пилар Пи Пуйг, Мартин Уртасун.

Бангладеш:

Хабибуль Хаке Хондкер, Хасан Махмуд, Джувель Рана, У. С. Рокейя Ахтер, Туфика Султана, Асиф Бин Али, Хайрун Нахар, Кази Фадия Эша, Хелаль Уддин, Мухаймин Чоудхури.

Бразилия:

Густаво Танигути, Андреса Гальи, Анжело Мартинс Младший, Лукас Амараль, Бенно Альвес, Хулио Давьес.

Индия:

Рашми Джайн, Джьоти Сидана, Прагья Шарма, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.

Индонезия:

Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияи, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибuddin, Доминггус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана.

Иран:

Рейханех Джавади, Ниайеш Долати, Мина Азизи, Митра Данешвар, Вахид Ленджанзаде.

Япония:

Сатоми Ямамото, Мики Аоки, Масатака Эгути, Маами Эндо, Аканэ Хигути, Юка Хирано, Хикару Хонда, Юми Икэда, Идзуми Исида, Айна Кубота, Юна Нагайе.

Казахстан:

Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Гани Мадырбеков, Алмаш Тлеспаева, Куаныш Тель.

Польша:

Якуб Баршевски, Катаржина Дембска, Паулина Домагальска, Адрианна Дроздовска, Лукаш Дульняк, Ян Фрыдрых, Кшиштоф Губаньски, Кинга Якела, Юстына Косьцинска, Камиль Липиньски, Миколай Мержеевски, Каролина Николаевска-Зайонц, Адам Мюллер, Зофия Пенза, Тереза Тележиньска, Анна Вандзель, Яцек Зых, Лукаш Жолондек.

Румыния:

Косима Ругиниш, Раиса-Габриэла Замфиреску, Костинел Ануца, Мария-Лоредана Арсене, Татьяна Кожокари, Андрей Добре, Диана Александра Думитреску, Юлиан Габор, Родика Лисяну, Мэдэлина Маня, Михай-Богдан Марьян, Андрея Елена Молдовяну, Рареш-Михай Мушат, Оана-Элена Негря, Мьоара Параскив, Йон Даниэль Попа, Диана Прутяну Сас, Элиза Соаре, Адриана Соходоляну.

Россия:

Елена Здравомыслова, Анна Кадникова, Ася Даур.

Тайвань:

Чжин-Мао Хо.

Турция:

Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

Медиаконсультант: Густаво Танигути.

> В номере

От редактора: социология в эпоху реакции **2**

Протест Дутерте против либеральной демократии
Уолден Белло, Филиппины **4**

> СОЦИОЛОГИЯ В ПАКИСТАНЕ

Медицинский надзор над миграцией в странах Персидского залива
Аяз Куреши, Пакистан **7**

Экономическое участие женщин и насилие
Нида Кирмани, Пакистан **9**

Развод в диаспоре
Кавери Куреши, Пакистан **11**

Исламофобия и повестка британской безопасности
Таня Саид, Пакистан **13**

Политика инфраструктуры
Амен Джаффер, Пакистан **15**

> IN MEMORIAM

Моральное видение Зигмунта Баумана
Питер МакМайлор, Великобритания **17**

Зигмунт Бауман, скептик-утопист
Мацей Гдула, Польша **19**

Вспоминая Загмунта Баумана
Питер Бейлхарц, Австралия **21**

> СОЦИОЛОГИЯ В КАНАДЕ

Социология в несоциологические времена
Говард Рамос, Рима Уилкс, Нил МакЛафлин, Канада **23**

«Социологизация» в сфере публичной политики
Даниэль Белан, Канада **25**

Прекарное негражданство в Канаде
Патриция Лэндолт, Канада **27**

Экологическая справедливость как повестка дня социологии
Шерил Тилаксингх, Канада **29**

Социология во времена, похожие на все другие (но не вполне)
Карен Фостер, Канада **31**

Как добиться внимания СМИ в непростые времена
Фуюки Курасава, Канада **33**

> СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОЛОНКИ

Университеты США: новое пространство для борьбы мигрантов?
Сандра Портокарреро, Франсиско Лара Гарсиа, США **35**

Представляем аргентинскую команду переводчиков
Хуан Игнасио Пиовани, Пилар Пи Пуйг, Мартин Уртасун, Аргентина **37**

> Протест Дутерте против либеральной демократии

Уолден Белло, Университет штата Нью-Йорк в Бингемтоне, бывший член Филиппинской Палаты представителей

Каратель старой школы Родриго Дутерте, также известный как «DU-30» («Du-Thirty») или «Палач». Иллюстрация Арбу.

После победы нацистской контрреволюции Йозеф Геббельс произнёс известные слова: «Теперь 1789 год вычёркивается из истории». Можно ли аналогичным образом утверждать, что фашистские движения, набирающие силу в США, Европе и других странах мира, стремятся вычеркнуть из истории 1989 год?

1789 год обозначил начало Французской революции. 1989 год, по словам Фрэнсиса Фукуямы и других учёных, ознаменовал апогей либеральной демократии. Ситуация, которую Фукуяма назвал «концом истории» — победа над коммунизмом в Европе и над правыми авторитарными режимами в развивающихся странах мира, — стала символом «триумфа экономического и политического либерализма <...> и универсализации либеральной демократии Запада как окончательной формы правления в человеческом обществе».

Новорождённая утопия Фукуямы скоро столкнулась с вызовом со стороны антилиберальных движений, в первую очередь — таких религиозных движений, как политический ислам на Ближнем Востоке и этно-исключающие движения Восточной Европы. Однако никто не относится к либерально-демократическим идеалам с большим надменным презрением, чем Родриго Дутерте, президент Филиппин, избранный в мае 2016 г. при поддержке повстанческого электорального движения.

> Политика уничтожения

Главной программой Дутерте является полномасштабная борьба с наркотиками, жертвами которой всего за 9 месяцев стали около 8000 человек. Это не просто кампания по поддержанию законности и правопорядка. Фанатизм, с которым требования президента воплощаются в жизнь, граничит с идеологическим,

>>

и оправданием ему служат идеи, напоминающие псевдонаучную расовую теорию нацистов. В результате определенный сегмент населения лишается права на жизнь, справедливый суд и права быть частью общества. Дутерте фактически исключил из списков рода человеческого наркозависимых и наркоторговцев — 3 миллиона жителей страны с населением в 103 миллиона человек. С характерным красноречием он заявил службам охраны правопорядка: «Преступление против человечества? Прежде всего, я хочу сказать откровенно: разве они люди? Каково ваше определение человека?»

Оправдывая убийства, совершаемые сотрудниками полиции «в порядке самообороны», Дутерте настаивает, что употребление «шабу» — так на Филиппинах называют мет, или метамфетамин гидрохлорид — «сокращает объем мозга, так что человек уже не поддается реабилитации». Президент называет потребителей наркотиков «живыми, ходячими мертвецами», «бесполезными для общества», утверждая, что они являются опасными «параноиками». Дутерте дал полиции карт-бланш на убийство наркозависимых, независимо от того, сопротивляются они аресту или нет. И действительно, любой сотрудник полиции, обвиненный в безосновательном убийстве потребителя наркотиков, получает от президента немедленное помилование. Он поясняет такое решение следующим образом: «Чтобы вы могли прийти за теми, кто потащил вас в суд».

Вопреки, а может быть, и по причине жестокости подобного подхода к проблеме наркотиков, президент Дутерте — между прочим, во время избирательной кампании пообещавший «накормить рыб» в Манильской бухте трупами тысяч преступников — остаётся несказанно популярным правителем. Его рейтинг по стране достигает 83 процентов, а его фанатичные последователи в Интернете организуют кибератаки на тех, кто осмеливается критиковать расправу без суда и следствия, происходящую при его режиме.

> Корни дутертизма

Чем объясняется привлекательность Дутерте для масс? Тот факт, что он объявляет наркозависимых козлами отпущения, действительно находит широкий резонанс. Однако истинные причины его популярности лежат глубже. В безоговорочной власти Дутерте над обществом отражено глубокое разочарование в либерально-демократическом режиме, установившемся

после так называемого Восстания ЭДСА — свержения Фердинанда Маркоса в феврале 1986 г. Именно крах «Республики ЭДСА», получившей своё имя в честь манильского шоссе, где происходили массовые демонстрации против диктатуры Маркоса, создал все условия для успеха Дутерте.

Возвышению Дутерте сопутствовало убийственное сочетание нескольких факторов: контроль элит над филиппинской электоральной системой, постоянная концентрация богатства в руках элит, неолиберальная экономическая политика и требования Вашингтона об уплате внешнего долга. К моменту выборов 2016 г. зияющая пропасть разверзлась между заявлениями Республики ЭДСА, обещавшими власть народу и перераспределение богатства, и филиппинской реальностью: массовой бедностью, чрезвычайным уровнем неравенства и повсеместной коррупцией. Добавьте распространённое мнение, что администрация президента Бенигно Акино III отличалась неумелым правлением, и вас перестанет удивлять, что более 16 миллионов голосовавших — около 40% электората — решило, что стране нужен «железный», авторитарный подход, который Дутерте более 30 лет практиковал в качестве мэра южного приграничного города Давао. Филиппинцы, как сказал писатель Энтони Дорр о немцах перед войной, «крайне нуждались в том, кто может навести порядок».

Более того, дискурс Республики ЭДСА — демократия, права человека, законность — стал казаться гнетущим ярмом многим филиппинцам, охваченным чувством бессилия. Дискурс Дутерте, напротив, представляет собой смесь недвусмысленных угроз смертельной расправы, грубого уличного языка и яростной брани в сочетании с презрительными насмешками над элитами, которых он называл «соёс» (м...ками). Этот дискурс оказался мобилизующим для аудитории Дутерте, которая почувствовала себя освобожденной от лицемерной идеологии правящих элит.

> Фашист-оригинал

Кампания Дутерте по уничтожению целого слоя населения, его способность к мобилизации поддержки представителей различных социальных классов и концентрация власти в его руках — всё это уничтожило филиппинскую систему разделения властей (американского образца). Эти черты правления характеризуют Дутерте как фашиста — но не простого фашиста. Обычный фашистский переворот начинается с упразднения гражданских

свобод, затем переходит к захвату абсолютной власти и лишь после этого — к массовым репрессиям. Политика демонстрирует совсем иную — противоположную — динамику: вначале он организует массовые убийства, а упразднение гражданских свобод и захват абсолютной власти оставляет на момент, когда уже будет проведена зачистка политической арены и не останется значимой оппозиции. Это настоящий фашистский блицкриг.

Другая отличительная черта режима Дутерте — приглашение политиков традиционно левого толка на службу в администрацию президента. Такую коалицию невозможно представить в рамках классического фашистского режима. Дутерте не воспринимает левых как своих заклятых врагов, напротив, он уверен, что может их контролировать. Между тем Коммунистическая партия Филиппин и Национальный демократический фронт приветствуют открывшиеся перед ними возможности вступить в администрацию президента и надеются наверх стать упущенное за годы бессилия.

Несмотря на то, что Дутерте является новичком во внешней политике, он интуитивно понял динамику филиппинского национализма. Когда бывший президент США Обама критически высказался о внесудебных преследованиях Дутерте и его открытости в отношении Китая, филиппинский президент назвал его «сукиным сыном». Такого рода выпад может показаться политически рискованным ходом — проамериканские настроения, казалось бы, глубоко укоренились в Филиппинах. Однако, как ни странно, выпады Дутерте не вызвали почти никаких протестов и, напротив, получили широкую поддержку в интернете. Как заметили многие обозреватели, рядовые филиппинцы могут восхищаться США и американскими институтами, однако существует также мощная неявная тенденция ненавидеть Америку за колониальное покорение Филиппин, неравные условия договоров, навязанные стране Вашингтоном, и общий подавляющий эффект, который оказывает «американский образ жизни» на локальную культуру. Здесь не нужно погружаться в гегельянскую запутанную диалектику господина и раба, чтобы понять, что подоплёкой отношений между Филиппинами и США являлась «борьба за признание». В отличие от левых, Дутерте смог привести в движение эту подспудную эмоциональную боль филиппинцев. Как и многие его авторитарные предшественники в других странах, филиппинский президент смог эффективно слить воедино национализм и авторитаризм.

> Популистская риторика, фашистская суть

Большая часть риторики Дутерте имеет популистский характер, однако он не претендует на то, чтобы использовать силу масс в качестве тарана перераспределительной реформы. Напротив, как и классические фашисты, он стремится к балансу классовых сил и создаёт себе образ человека, стоящего выше классовых конфликтов. Во время избирательной кампании Дутерте обещал отменить работу по контракту, уменьшить масштабы горнодобывающей индустрии и распределить между мелкими кокосовыми фермерами налоги, несправедливо собранные с них во время режима Маркоса. Тем не менее, по большей части эти обещания остаются невыполненными, между тем как ключевые элиты страны позиционируют себя в качестве союзников президента. Однако в долгосрочной перспективе именно социально-экономические реформы являются главным залогом успеха авторитарного проекта Дутерте. В настоящее время, как представляется, отсутствие экономического роста не идёт во вред популярности президента ни в ближайшей, ни в среднесрочной перспективе.

На сегодняшний день оппозиция Дутерте из числа элит и в государственных институтах слаба. Католическая церковь, в прошлом активная защитница прав человека, также не торопится бросать вызов народному лидеру; ей не хватает доверия в связи с внутренней коррумпированностью и категоричностью взглядов на планирование семьи. Единственную оппозицию представляют собой отдельные лица: сенатор Лейла де Лима, в настоящее время отбывающая срок по сфабрикованному обвинению в том, что она получает деньги от наркобаронов; некоторые СМИ; группы по защите прав человека, такие как коалиция I-Defend («Я-защита»).

> Дутерте, филиппинское общество и социология

Хотя Дутерте и достоин осуждения с политической точки зрения, однако его личность и все свойственные ей противоречия вызывают живой ин-

терес у социальных исследователей. Некоторые из них задаются вопросами о том, насколько взаимосвязаны социально-исторические тенденции и свойства личности. Недавний биографический очерк в журнале *New York Times* рассказывает, что на Дутерте сильно повлияло сексуальное насилие со стороны священника-иезуита, которому он подвергся в старших классах. Этим откровением будущий президент поделился сам во время избирательной кампании 2016 года. Этот самый священник, позже переехав в Лос-Анджелес, продолжал растлевать детей, при этом вышестоящие лица церковного сана не предпринимали никаких усилий, чтобы наказать его или передать в руки закона (впрочем, иезуиты в конце концов вынуждены были выплатить жертвам компенсацию общей суммой 16 млн долларов). По всей вероятности, Дутерте пережил серьёзную психологическую травму; значит ли это, что теперь Филиппины расплачиваются за преступления педофила?

Социологи также могут спросить словами Джона Грея, каким образом «то, что нам представляется непреложными чертами цивилизованной жизни, исчезает в мгновение ока». Филиппины считались эталоном либеральной демократии, особенно после Восстания ЭДСА в 1986 г. Многие утверждали, что свержение Маркоса восстановило давние ценности, интериоризированные филиппинскими гражданами в американский колониальный период, — права личности, право на справедливый суд, демократию. Кажется, все эти национальные политические ценности были воплощены в либерально-демократической конституции Республики ЭДСА. Однако внезапно, менее чем через год, филиппинское большинство активно поддержало человека, чьей главной программой является внесудебная расправа над определённой категорией людей. Многие филиппинцы даже стали «добровольными палачами» (если пользоваться определением, которое Даниэль Гольдхаген дал немцам гитлеровского времени), или, по крайней мере, его «добровольными подручными». Некоторые не находят объяснений, почему их соотечественники одобряют кровавую кампанию Дутерте; они

воспринимают происходящее как трагедию. Другие же — те, кто занимается бихевиористскими науками, — напротив, считают, что пришло время избавиться от предположений, что наш народ цивилизован и способен к сочувствию. Возможно, теперь нам нужно рассматривать филиппинское общество в том же ракурсе, который предложил использовать Гольдхаген для изучения Германии нацистского периода:

[Этот период требует <...> критического взгляда антрополога, высадившегося на неизвестных берегах, открытого к радикально иной культуре и осознающего, что, возможно, для объяснения состояния культуры, специфических для нее паттернов практики, её коллективных проектов и продуктов он будет вынужден разработать объяснение, не согласующееся со здравым смыслом, а, напротив, противоречащее ему. Так учёный сможет допустить мысль, что большое количество людей [...] могло быть убито или же было готово убивать других [...] без зазрения совести.

> Сравнительный геноцид

Тем временем число жертв продолжает расти. В войне с наркотиками, которую начал Дутерте, к настоящему моменту пало больше людей, чем в ходе большинства кампаний, направленных на геноцид, в недавней истории Юго-Восточной Азии. Его опережает только Пол Пот, уничтоживший около 3 млн камбоджийцев в 1970-е, и массовые убийства 1965 года, унесшие жизни около миллиона индонезийцев после неудавшейся попытки свержения правительства Сукарно. Не так давно Дутерте с характерным мрачным юмором объявил стране, что для полного избавления страны от наркотиков может потребоваться уничтожить ещё 20–30 тысяч человек. Многие наблюдатели уже научились воспринимать слова Дутерте всерьёз, даже если он шутит, и ожидают, что реальное количество репрессированных намного превысит озвученные цифры. ■

Корреспонденцию направляйте Уолдену Белло на адрес waldenbello@yahoo.com

> Медицинский надзор над миграцией в странах Персидского залива

Аяз Куреши, Лахорский университет управленческих наук, Пакистан

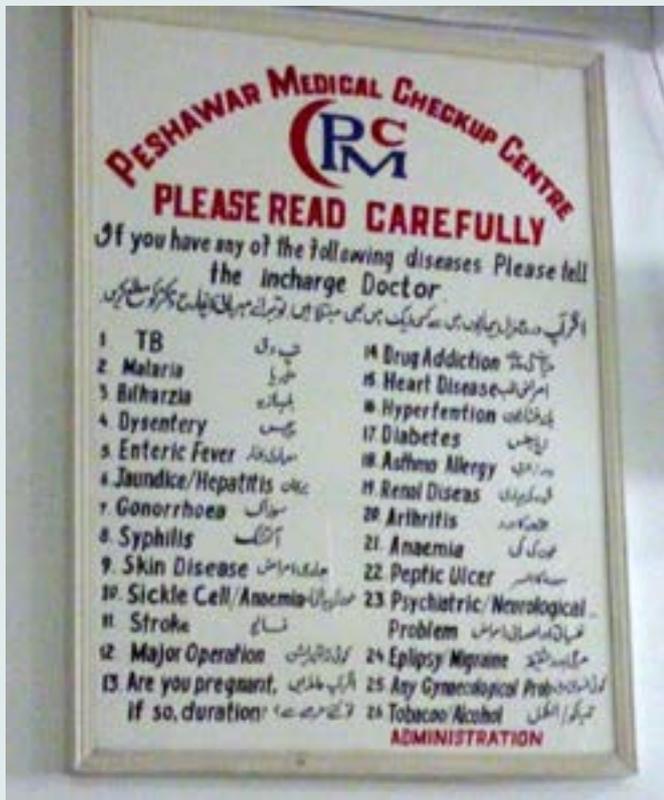
Мигранты в Пешаваре сидят в очереди на медицинский осмотр.
Фото Аяза Куреши.

В течение последних десятилетий все больше жителей развивающихся стран покидают родной дом для поиска работы за границей. Например, граждан Пакистана рекрутируют на заработки в страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) — Бахрейн, Кувейт, Катар, Оман, Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты. Однако для получения визы в страны Персидского залива трудовым мигрантам необходимо предоставить ряд медицинских сертификатов еще до выезда из Пакистана. Сертификаты можно получить исключительно в специализированных медицинских центрах, одобренных ССАГПЗ. Толпы желающих эмигрировать осаждают эти учреждения, расположенные в нескольких крупных городах. Там у них могут выявить наличие проблем со здоровьем, в том числе инфекционных заболеваний. Проходят отбор лишь те

счастливые тела, у которых не находят признаков болезни, инфекции или немощности.

У государств Залива не возникает никаких сомнений в правомерности выставления странам, поставляющим мигрантов, требований отбора лучших тел среди сотен и тысяч желающих эмигрировать. Такие страны, как Пакистан, соревнующийся за денежные переводы с соседними Индией, Бангладеш и Шри-Ланкой, а также с региональными гигантами вроде Малайзии, не смеют оказывать сопротивление. Правительство Пакистана ценит мигрантов как незаменимые экономические активы, как поставщиков денежных переводов и отзывается о них как о своеобразных неформальных послах, несущих моральное обязательство оставаться верными своей мусульманской и пакистанской идентичности. Несмотря на это, пакистанским гражда-

>>

Плакат в пешаварском центре медицинских осмотров для мигрантов. Фото Аяза Куреши.

нам в странах Залива почти никогда не удается получить существенной поддержки со стороны своей дипмиссии, с нетерпением ожидающей увеличения визовой квоты для соотечественников.

Нередко можно услышать истории о непредсказуемых процедурах и регулярных нарушениях, имеющих место в процессе медосмотров. Эти истории позволяют создать представление о масштабах эксплуатации потенциальных мигрантов, фрустрации, вызванной результатами обследования (которые часто опровергаются иными частными или государственными лабораториями), а также пониманием того, что государство бросает их на произвол бизнеса, маркируя их тела как «подходящие» и «неподходящие» для миграции.

Все медицинские центры, проводящие тестирование потенциальных мигрантов, формируют сильный картель, состоящий из центральной и ряда региональных Ассоциаций медицинских центров, одобренных странами Персидского залива. Они защищают интересы каждого своего члена, сохраняют монополию над проведением осмотров, не позволяют развиваться конкуренции между членами, равномерно распределяя между ними посетителей. Помимо этого, они защищают сотрудников центров от потенциальных протестов пациентов, обозначенных как непригодные для трудовой миграции и от попыток пакистанского правительства осуществлять контроль над их деятельностью. Стандарты медицинских осмотров задаются секретариатом ССАГПЗ, расположенным в Саудовской Аравии. Условия в медицинских центрах — лабораторное оборудование, пространство и персонал — также подвергаются мониторингу секретариата в рамках ежегодных проверок.

В отличие от классических примеров медицинских осмотров мигрантов в момент въезда в страну, например, на

островах Эллис и Энджел в США, осмотры пакистанских трудовых мигрантов, отбывающих на заработки в страны Персидского залива, происходят в их родной стране. И хотя эта форма медицинского осмотра менее видима, чем аналогичные и широко раскритикованные процедуры в таких местах, как остров Эллис, она далеко не менее инвазивна.

В страхе перед приговором медосмотров некоторые из тех, кто стремится стать мигрантом, становятся жертвами дельцов (нередко — мошенников), имеющих связи с сотрудниками медицинских центров. Те, кому даже при помощи таких неформальных уловок не удается получить необходимые медицинские сертификаты, пробуют альтернативные каналы и оказываются втянутыми в нелегальную миграцию.

Даже после получения идеального сертификата — нередко после нескольких сеансов медосмотров и выплаты немалых сумм — необходим очередной цикл проверок уже после приезда мигранта в страну назначения. Любой работник, проваливший очередной медосмотр, отсылается домой. Если въезд работника в страну Залива разрешается, то он обязан ежегодно проходить медосмотр для обновления разрешения на пребывание.

По иронии, эпидемиологические данные свидетельствуют о том, что мигранты инфицируются туберкулезом и ВИЧ во время пребывания в странах Залива. Недаром одним из основных требований для них является прохождение ежегодного медосмотра, без которого невозможно обновление разрешения на работу в странах Залива. Мигрантам приходится справляться с тяжелейшими условиями на рабочем месте и в месте проживания. Заражения ВИЧ нередки, так как отсутствие экономического и культурного гражданства не оставляет жителям скученных трудовых лагерей большого выбора развлечений, помимо походов к секс-работникам.

Любой мигрант с подтвердившимся ВИЧ-положительным статусом задерживается и депортируется, и часто ни его, ни дипмиссию его страны не информируют о причине депортации. В ряде случаев работодатель оформляет для инфицированного работника-мигранта внеочередной отпуск и отправляет домой — и никогда не вызывает обратно. Тем, кто впоследствии возвращается в Пакистан, не всегда позволяют даже собрать вещи и попрощаться с соседями и коллегами, а иногда и вовсе не дают забрать паспорт и задолженность по зарплате перед тем, как увозят в спецприемник для депортируемых. Многие возвращаются в Пакистан с односторонним экстренным паспортом как единственным удостоверением личности. Некоторых задерживает полиция для выяснения гражданства, и этот процесс может тянуться неделями, до того как вмешаются родственники задержанного.

Во всем мире мы видим все больше и больше протестов по поводу пересечения гражданства и здоровья. Люди требуют, чтобы власть имущие предоставили им доступ к здравоохранению и прекратили использование медицинских практик и диагнозов для ограничения прав человека. В Пакистане, однако, трудовые мигранты не показывают никаких признаков готовности к мобилизации и какой-либо форме протестного действия. Правительство тем временем продолжает кооперироваться со странами Персидского залива, позволяя им досматривать потенциальных мигрантов, подобно скоту, и всячески сортировать их на основании состояния их здоровья. ■

Direct all correspondence to Ayaz Qureshi <ayaz.qureshi@lums.edu.pk>

> Экономическое участие женщин и насилие

Нида Кирмани, Лахорский университет управленческих наук, Пакистан

Женщины в Карачи занимаются уличной торговлей. Фото Ниды Кирмани.

Специалисты по развитию и международные финансовые институты утверждают, что увеличение участия женщин в сфере оплачиваемого труда ведёт к экономическому росту и расширяет объем женских прав и возможностей — приносит сплошной выигрыш. Кроме того, часто считается, что экономически активные женщины реже становятся жертвами гендерного насилия.

Моё исследование проверяет эти предположения на прочность в условиях более сложных реалий. Полевую работу, на которой основано исследование, я проводила в Лайари, одном из старейших рабо-

чих районов пакистанского города Карачи. Пакистан имеет один из самых низких в мире показателей участия женщин в рабочей силе: лишь 22% женщин заняты на оплачиваемой работе. Статистические данные по Лайари повторяют результаты по стране в целом; однако если большинство трудящихся женщин в Пакистане заняты в области сельского хозяйства, то значительная часть работниц Лайари выполняют низкооплачиваемую домашнюю работу в более престижных районах города или же работают учительницами в государственных и частных школах. При том, что нынешний уровень оплачиваемой занятости среди женщин низок, он, тем не менее,

значительно выше, чем у предыдущих поколений. Однако в условиях современной неolibеральной экономики женщинам предлагаются, как правило, низкооплачиваемые, негарантированные и нерегулируемые рабочие места.

«Рост занятости в сфере оплачиваемого труда» не всегда предполагает «расширение объема прав и возможностей». Как утверждает Наил Кабир, рыночные механизмы часто воспроизводят гендерное неравенство, которое выражается в дифференциации заработной платы для мужчин и женщин, а также в несправедливых практиках найма. Аналогичным образом, последствия

>>

экономического участия женщин зависят от характера трудоустройства, отношений власти внутри семьи и движущих сил тех сообществ, в которых живут эти женщины. Хотя в политических кругах часто предполагается, что экономическое участие позволит женщинам контролировать свой доход, предоставит им доступ к социальной и юридической поддержке, а финансовая независимость даст им возможность выйти из разрушительных отношений, сопровождаемых насилием, в реальности всё не так просто.

Защищает ли женщин личный доход от гендерного насилия, которому подвергается, по разным оценкам, от 39 до 90 процентов всех замужних пакистанок, хотя о большинстве случаев насилия не сообщается? Действительно ли работающие женщины эффективнее сопротивляются распространённым формам экономической или материальной эксплуатации со стороны работодателей, выплачивающих женщинам меньшую заработную плату или вовсе отказывающихся платить? Соответствует ли истине утверждение, что женщины, получающие зарплату, обладают большим контролем над домашними ресурсами или собственным доходом?

Мои беседы с женщинами Лайри выявили сложную взаимосвязь между оплачиваемым трудоустройством женщин и опытом домашнего насилия. Некоторым женщинам личный доход даёт возможность выйти из абьюзивных отношений или, по крайней мере, даёт силы вообразить себе эту возможность. Однако даже работающие женщины не могут избежать социального давления, особенно если у них есть дети: оно остаётся средством, удерживающим женщин в браке, сопряженном с насилием.

Многие женщины описывают двойную нагрузку оплачиваемой работы и домашних обязанностей как специфическую форму насилия. Оплачиваемая работа становится причиной домашних конфликтов, так как даже безработные мужчины ожидают от жён выполнения домашних обязанностей, а это часто ведёт к скандалам и даже побоям. Большинство женщин, занятых на низкооплачиваемых работах, хотели бы остаться дома, если бы у них была такая возможность; некоторые из них выражают недовольство тем, что мужа не обеспечивают их финансово. Часть женщин понимают, что заработок даёт им некоторую степень независимости, и несколько респонденток отмечают, что им нравится находиться за пределами домашнего пространства. Однако большинство моих информанток предпочли бы никогда не испытывать двойную нагрузку оплачиваемого труда и работы по дому.

Те немногие женщины, которые заняты на работах с более высокими зарплатами и гарантиями, конструируют свою экономическую активность как собственный выбор, а не необходимость. Для них оплачиваемый труд является механизмом самореализации. Однако этот выбор имеет свою социально-психологическую цену: незамужние женщины, работающие вне дома — особенно на хорошо оплачиваемой работе в другом районе города, — становятся объектами сплетен и презрения, а иногда и жертвами угроз. Это становится причиной эмоционального стресса, угрожает их репутации и сильно затрудняет поиск будущего мужа.

Данное исследование выявляет поколенческий сдвиг, который показывает позитивную динамику. Многие пожилые женщины рассказыва-

ют о том, как они много лет жили в абьюзивном браке, и при этом конструируют страдания как признак терпения и добродетели. Молодые женщины, напротив, часто осуждают насилие, утверждая, что женщины должны избегать абьюзивных отношений: если муж унижает и бьёт жену, то ей стоит вернуться в родительский дом или (реже) жить отдельно и независимо. На развод до сих пор смотрят с неодобрением, и многие женщины, ощущая на себе давление, продолжают жить в абьюзивном браке. Однако, по-видимому, всё больше женщин начинают развивать стратегии сопротивления в стеснённых обстоятельствах. Разумеется, независимый доход является фактором, облегчающим уход от мужа-абьюзера, хотя заработок сам по себе и не гарантирует готовности и женщины на этот шаг.

В целом, моё исследование демонстрирует, что экономическое участие женщин не гарантирует расширения их прав и возможностей. Трудоустройство вне дома подкрепляет позицию женщины на рынке труда, но имеет свою социально-психологическую цену. Сейчас всё больше женщин Пакистана устраиваются на работу, однако сейчас у них мало высокооплачиваемых и надёжных вариантов трудоустройства. Чтобы действительно расширить женские права и возможности, трудоустройство должно сопровождаться более широкими структурными изменениями. Женщинам нужны хорошо оплачиваемые рабочие места с социальными и юридическими гарантиями. Гендерный баланс сил в семьях и сообществах должен измениться таким образом, чтобы мужчины также выполняли работу по дому; кроме того, необходимо повсеместное признание права женщины на мобильность и независимость. ■

Корреспонденцию направляйте Ниде Кирмани на адрес nida.kirmani@lums.edu.pk

> Развод в диаспоре

Кавери Куреши, Лахорский университет управленческих наук, Пакистан

Пакистанская свадьба в Великобритании. Невеста с волнением ожидает жениха. Фото Кавери Куреши.

Сукайна, 38-летняя жительница Лондона пакистанского происхождения, в восемнадцать лет вышла замуж за своего кузена, проживающего в Ланкашире, и к двадцати пяти годам стала матерью троих детей. Однако ещё до рождения третьего ребёнка её семейная жизнь пошла под откос. Муж Сукайны устроился работать таксистом. Ненормированный график работы и свобода передвижения на новой работе позволили ему возобновить отношения с белой британкой, которые он поддерживал до вступления в брак с Сукайной. Кроме

того, он снова начал выпивать и, по словам жены, перешёл на тяжёлые наркотики. Шесть месяцев Сукайна ничего не говорила родителям о семейных проблемах, потому что «для моей семьи сбылась мечта, что она с кем-то из нашей семьи, они счастливы, трое прекрасных детей, и всё идеально. Ну и я подумала, что не могу их огорчить». Даже после того, как она обратилась за помощью к своим родителям, прошло ещё два года, прежде чем она покинула дом родителей мужа в Ланкашире и вернулась в Лондон. И лишь спустя ещё два года она подала заявление на развод.

>>

Сообщество британских пакистанцев, как и другие сообщества южно-азиатского происхождения, с давних пор воспринимаются как оплот традиционной семьи, все члены которой в какой-то момент вступают в брак (за редким исключением), а разводов почти не случается. Случаи, подобные истории Сукайна, остаются невидимыми в тени нормативных стереотипов о «сильных семейных ценностях». Сторонние наблюдатели часто описывают семьи британских пакистанцев в аналогичных терминах. В 2007 году Дэвид Кэмерон, тогдашний лидер британской Консервативной партии, провёл два дня в пакистанской семье в Бирмингеме. Он отозвался о британо-азиатской семье как о «сильной и сплочённой»: «Я внезапно подумал о том, что скорее основная масса британцев должна приобщиться к британо-азиатскому образу жизни, чем наоборот».

На основе данных Четвёртого общенационального опроса этнических меньшинств, осуществлённого в 1990-е, социолог Ричард Бёртуд провёл количественное исследование, которое показало, что среди британских пар южноазиатского происхождения, когда-либо состоявших в браке, лишь 4% позже развелись или начинали жить раздельно. Этот показатель в два с небольшим раза меньше, чем среди белых британцев (9%) и в четыре с половиной раза меньше, чем среди темнокожих британцев карибского происхождения (18%). Бёртуд воспринимал британских южноазиатов как «старомодных», «преданных истории и традициям своих сообществ» людей, противостоящих тренду индивидуализации. Однако данные Ежеквартального исследования рабочей силы Великобритании за 2010–2013 гг. показывают, что сегодня около 10% британских пакистанцев-мусульман и индийцев-сикхов проживают отдельно от супругов или же разведены. Этот показатель составляет 8% для бангладешцев-мусульман, 7% для индийцев-мусульман и 6% для индийцев, исповедующих индуизм, — жителей Великобритании. Для сравнения, тот же показатель составляет 20% среди белых британцев, 27% среди чёрных британцев карибского происхождения и 23% для межэтнических браков в Великобритании. Жители Великобритании южноазиатского происхождения реже, чем представители других групп, признают в общественных опросах, что их брак распался. Тем не менее, число разводов среди пакистанцев и бангладешцев, исповедующих ислам, а также индийских сикхов сегодня возросло настолько, что приблизилось к уровню разводов среди белых британских семей двадцать лет назад — в середине 90-х гг. Именно в этот период Энтони Гидденс выразил обеспокоенность проблемой «общества разводов и раздельного проживания», что стало предметом широкой дискуссии.

В период с 2005–2007 по 2012–2014 гг. я проводила этнографическое исследование в Лондоне и провинциальном английском городке Питерборо. Результаты продемонстрировали, что рост уровня разводов оказывает влияние на семейную жизнь в пакистанской диаспоре: в том числе растёт количество мужчин и женщин (последних больше), отказывающихся повторно вступать в брак. Я провела интервью с 52 разведёнными; к концу моей полевой работы лишь 30 из них вступили в повторный брак, а среди 22 оставшихся было всего шестеро мужчин. Так, например, Сукайна после распада семьи много лет не выходила замуж, утверждая, что хочет жить одна до конца своих дней. После развода женщина много лет страдала от клинической депрессии, однако при поддержке со стороны братьев и сестёр она смогла окончить курс образования для взрослых, получить квалификацию ассистента преподавателя и начать работать. Это позволило ей отказаться от большинства социальных выплат и льгот, на которые она жила ранее. Су-

кайна перестала играть роль хорошей невестки, к которой её с детства «готовили» родители, и много лет игнорировала их советы снова вступить в брак. «Поначалу я ненавидела мужчин, просто ненавидела, мне был противен их вид и запах», — говорила она. Некоторые разведённые женщины рассказали мне, что снова вступили в брак, чтобы дети жили в «нормальной» семье с двумя родителями. Однако Сукайна, как и многие другие участники исследования, с осторожностью отнеслась к идее привести отчима в семью, и так уже пострадавшую от потрясения. Это стало ещё одним фактором, препятствовавшим её повторному браку.

Те, кто всё же вступают в последующий брак после развода, по всей видимости, предпочитают самостоятельно выбирать партнёров для совместной жизни. Из 67 первых браков, описанных участниками, 58 представляли собой традиционные браки по договорённости между родителями жениха и невесты, и лишь оставшиеся 9 были заключены по любви. В противоположность этому, среди 49 повторных браков лишь 20 были заключены по сговору родителей, 9 были договорными браками по любви — идея вступить в брак принадлежала жениху и невесте, однако остальному миру их союз представлялся как результат договора; и целых 20 браков были заключены по любви и обоюдному согласию. Таким образом, в случае повторных браков гораздо чаще имели место длительное ухаживание и добрая близость. В случае, если прежде разведённые люди вступали в брак по любви, их расширенные семьи впоследствии начинали поддерживать их в принятом решении.

Опыт Сукайна демонстрирует другую тенденцию: повторные браки часто пересекают расовые, этнические, кастовые и религиозные границы. Примерно после десяти лет жизни без партнёра Сукайна полюбила Сухвиндера, разведённого сикха индийского происхождения. Сухвиндер согласился перейти в ислам, и пара заключила брак на небольшой мусульманской церемонии, где из гостей были лишь одна из сестёр Сукайна и трое мужчин-свидетелей. Переключение на брак по обоюдному согласию может звучать привлекательно для сторонников либеральной политики, однако Сукайну ожидало горькое разочарование. Сухвиндер не выказал серьёзного отношения к переходу в ислам и не перестал носить тюрбан — признак принадлежности к сикхизму. В результате Сукайна не решилась рассказать своим родителям о втором замужестве и подумывает о том, чтобы «завязать с этим».

Моё исследование показало, что повторные браки часто оказываются нестабильными. 9 из 30 респондентов, вступивших во второй брак, на момент исследования переживали кризис семьи или же собирались жениться или выйти замуж в третий раз. Другие участники исследования состояли во втором или третьем браке, и их семейная жизнь была полна конфликтов. Это напоминает нам, насколько мало социология развода может пока сказать о повторных союзах. Нам необходимо исследовать не только разводы, но и неформальные отношения, и последующие браки, а также изучать, как меняются нормы брачных отношений в различных контекстах миграции, транснационализма и жизни в диаспоре, где существует тенденция восприятия «оставленной» культуры как статичной и неизменной. Как показывает моё исследование, нормы брачных отношений никогда не являлись статичными; они меняются, будучи помещены в другой контекст. ■

Корреспонденцию направляйте Кавери Куреши на адрес kaveri.queshi@lums.edu.pk

> Исламофобия

и повестка британской безопасности

Таня Саид, Лахорский университет управленческих наук

Иллюстрация Арбу.

Образовательные учреждения Великобритании все больше вовлекаются в государственную повестку безопасности. В соответствии с принятым в 2015 году Законом о безопасности и противодействии терроризму (Counter-Terrorism and Security Act), в обязанности образовательных учреждений, регулируемые в «правовом порядке», входит информирование соответствующих органов о студентах, «подверженных риску» радикализации. Дать точное определение тому, что может считаться признаками или симптомами такой «радикализации», совсем непросто. Однако очевидно, что, скорее всего, «уязвимый» студент — это мусульманин. Что еще более проблематично, даже экстремистские идеи, никоим образом не связанные с насилием, могут бросить тень подозрения на их автора, если предполагается, что

они противоречат «британским ценностям». В результате такие идеи, скорее всего, будут умалчиваться, а не становиться предметом критики и дебатов.

Закон о безопасности и противодействии терроризму был принят через десять лет после взрывов в Лондоне 7 июля 2005 года, хотя и в других подобных антитеррористических законодательных актах уже упоминались образовательные учреждения. Студентам-мусульманам не понаслышке известно, что значит считаться «подозреваемым». По данным правительственного отчета «Превентивная стратегия» (2011) сотрудники служб безопасности уже работают с образовательными учреждениями для мониторинга студентов «группы риска». Некоторые яркие случаи, несомненно, заставили обратить особое внимание на образованных мусульман. Выпускник Лондонского университета Умак Фарук Абдулмуталаб пытался заложить бомбу в самолет, направлявшийся в США; другой выпускник, Рошонара Чудри, напал на британского политика с ножом, совершая, по его словам, акт отмщения за иракский народ; несколько юных студентов бежали из страны и вступили в ряды ИГИЛ. Однако новый закон превратил наблюдение за студентами-мусульманами в законодательно регулируемую обязанность университета. Вместо большей интеграции мусульманских студентов такая политика способствует их отчуждению, по иронии лишь культивируя атмосферу повышенной опасности. В то время как мужчина-мусульманин воспринимается как непосредственная угроза, женщина-мусульманка рассматривается либо как жертва, либо как скрытая сторонница радикальных взглядов, спрятавшаяся под платком.

С 2010 по 2012 год проводилось исследование, посвященное биографическим нарративам сорока молодых мусульманок — студенток и выпускниц британских университетов. Оно ставило перед собой цель проанализировать опыт этих молодых женщин в контексте исламофобии и британской государственной повестки безопасности. В исследовании принимали участие как британки пакистанского происхождения, так и пакистанки, не имеющие британского гражданства, обучающиеся в Англии. Стиль одежды респонденток выражал разные «степени религиозности». Среди них были молодые женщины, носящие платок, закрывающий лицо (никаб), те, которые носят покрывающий голову платок (хиджаб) в сочетании с длинным платьем (джилбаб), а также информантки, предпочитающие традиционную пакистанскую тунику (камиз) в сочетании с брюками (шалвары), и практикующие мусульманки без каких-либо внешних отличительных черт. В рамках исследования внимание уделялось опыту таких организаций как Общество студентов-мусульман, неоднократно обвиняв-

>>

шихся в неспособности противостоять радикализации в университетских кампусах. Помимо прочего, проводились интервью с представителями служб социального обеспечения и студенческих союзов, а также с руководителями Обществ студентов-мусульман.

Опыт женщин значительно варьировался в зависимости от внешнего вида. Что неудивительно, никаб привлекал много внимания. Девушки рассказывали, что в их адрес выкрикивали оскорбления вроде «экстремистка» или «жена Усамы бен Ладена». Платок в таком случае становился физическим маркером чуждой религии и идентичности. Респонденты описывали немало ситуаций, в которых расистские оскорбления скорее позволяли сделать выводы об оскорбляющем, чем о том, против кого эти слова были направлены (например, когда термин «лесбиянка» использовался как оскорбление в адрес мусульманки в никабе или хиджабе). Использование слово «лесбиянка» в качестве оскорбления отражает гетеронормативную установку исламофоба, в соответствии с которой мусульманка тем более «ненормальна», чем больше она практикует сегрегацию. Мусульманки без очевидных религиозных маркеров чувствовали, что для немусульманского взгляда они «недостаточно мусульманки» и полагали, что им необходимо подтвердить свою идентичность иным образом. Следование канонам внешнего вида, принятым в пакистанском обществе, отсылает к стереотипам о культурно угнетенной и необразованной пакистанке, жертве примитивной культуры, в которой культивируются убийства чести и насильственные браки.

Студентам приходится сталкиваться с таким опытом как на кампусах, так и за их пределами. Члены Общества студентов-мусульман привлекают особо активное внимание. Таким студентам — как юношам, так и девушкам — нередко приходится защищаться не только от университетской администрации, с недоверием относящейся к студенческим мероприятиям и гостевым лекциям, но и от самопровозглашенных «умеренных» мусульман. Респонденты описывают, как «умеренные» мусульмане избегают малейшей ассоциации с мусульманскими студенческими клубами и ни в коем случае не посещают их мероприятия, стремясь избежать ярлыка потенциального террориста. Члены мусульманских организаций выражают опасения насчет слежки, установленной за ними со стороны служб безопасности и шпионов. Многие респонденты рассказали, что страх заставляет их прибегать к самоцензуре, и студенты добровольно отказываются от участия в политических кампаниях, чтобы их не сочли радикалами.

Пакистанцы-мусульмане также рассказали об очередной форме уязвимости, связанной с их гиперсекьюритизацией в период, когда пакистанская идентичность вызывает немало подозрений, так как «война с террором» происходит именно на пакистанской земле. Некоторые студенты сознательно избегали участия в любых политических инициативах, связанных с Пакистаном, но при этом вовлекались в деятельность, связанную с Арабской весной или ситуацией в Палестине. Другие рассказывали, как скрывали свою национальность, особенно после 7 июля 2005 г.

Результаты исследования продемонстрировали, что представители разных мусульманских сообществ могут по-разному испытывать на себе действия дискурса о безопасности в зависимости не только от своей религиозности,

но и от этнической и национальной идентичности. Запрет президента США Дональда Трампа на въезд граждан нескольких мусульманских стран, как и фокус глобальной антитеррористической повестки на ситуации в Сирии и прилегающем к ней регионе, подтверждает различия в опыте мусульман разных идентичностей в развивающемся социально-политическом контексте.

Исследование показало не только то, что степень религиозности определяет уровень дискриминации, испытываемой студентами в повседневности, но и то, что юные студенты активно борются со стереотипами — в основном через повышение сознательности и информированности об исламе. Группы студентов-мусульман бросают вызов устоявшимся взглядам на их религию, в том числе занимаясь организацией образовательных проектов, таких как «Неделя знаний об исламе», и тем самым вносят свой вклад в изменение общественного мнения. Хотя многие отвергают идею необходимости доказательства своей «нормальности» или «невинности», нельзя снять со счетов усилий, прилагаемых студентами — как мусульманами, так и немусульманами — к тому, чтобы приостановить повсеместное распространение и укоренение повестки госбезопасности.

Многие университеты знакомы со своими «обязанностями» в отношении заботы о студентах, а именно с обязанностями обеспечения «свободы слова» и информирования любого студента, которого относят к группе подверженных «рisku» радикализации. Однако университетам не всегда удается справиться со своими обязанностями. Приведем несколько примеров. Университетская администрация доложила полиции о действиях Мохаммада Умара Фарука, студента Стаффордширского университета, читавшего учебник из серии «Исследования терроризма». О Ризване Сабире органы узнали, потому что тот, проводя исследование, скачал методичку Аль-Каиды (и так доступную в книжных магазинах). Подобные ситуации случались и со школьниками. Вовлечение университетов в повестку государственной безопасности будет лишь углубляться: Совет по финансированию высшего образования Англии принял Стратегию внедрения мер, связанных с противодействием университетов терроризму, в соответствии с антитеррористическим законом 2015 года. Студенты-мусульмане, с которыми проводились интервью, выказали желание сотрудничать с представителями органов госбезопасности, однако предпочли бы при этом не чувствовать себя объектами подозрения. Они признают, что хотя большинство британских мусульман считают незаконными и криминальными такие группировки, как ИГИЛ, назревшую проблему радикализации, тем не менее, необходимо решать. Действительно, многие респонденты продемонстрировали готовность взять на себя ответственность за решение этой проблемы в своем университете. Однако записывая всех студентов-мусульман в списки подозреваемых и воспроизводя культуру настороженности, в которой спорные взгляды замалчиваются без обсуждения, университеты лишь создают атмосферу, в которой студенты-мусульмане особенно уязвимы перед лицом исламофобии и дискриминации. Поэтому университеты рискуют не справиться с «обязанностью осуществления заботы» по отношению к студентам-мусульманам и превратиться в очередной винтик в аппарате госбезопасности. ■

Корреспонденцию направляйте Тане Саид на адрес tania.saeed@lums.edu.pk

> Политика инфраструктуры

Амен Джаффер, Лахорский университет управленческих наук, Пакистан

Мусорщики торопятся собрать отходы, пригодные для переработки, прежде чем за контейнерами приедет мусоровоз компании Ozrak. Фото Кхуррама Сиддики.

Начиная с последней декады двадцатого века пакистанская экономика трансформируется, претерпевая процессы приватизации и дерегуляции и переходя к неолиберальному экономическому порядку, поддерживаемому различными политическими партиями и военной диктатурой. Несмотря на фактически полный консенсус по основным экономическим реформам среди политической элиты, нынешняя власть, представляемая коалицией партий «Мусульманская лига Пакистана» и «Наваза», отличается от других режимов особым фокусом на «развитии» инфраструктуры. Помимо прочего, делается акцент на выстраивании китайско-пакистанского экономического коридора, превозносимого властями как нечто способное радикально улучшить экономическую ситуацию в стране.

Пакистанское правительство обещает, что новые проекты в сфере энергетики, железнодорожного и дорожного строительства, в основном финансируемые за счет кредитов от китайского правительства и нередко исполняемые китайскими компаниями, смогут привлечь иностранные и местные частные инвестиции, создать новые рабочие места и экономические возможности для пакистанцев.

Однако эта экономическая стратегия основана на предположении, что крупномасштабные инфраструктурные вложения сами по себе способны стимулировать экономическую активность, несмотря на то, что предыдущий опыт далеко не всегда подтверждает этот тезис (например, тот

факт, что шоссе Лахор – Исламабад, построенное в 90-е во время нахождения у власти нынешней коалиции, используется довольно ограниченно).

Все больше свидетельств мирового масштаба указывает на то, что крупные инфраструктурные проекты в основном идут на пользу зарубежным инвесторам и крупным корпорациям. В стране с распадающейся системой общественных услуг, где системы образования и здравоохранения считаются одними из худших в мире, такая расстановка инвестиционных приоритетов игнорирует реальные нужды граждан. Даже в плане инфраструктуры такие проекты, как китайско-пакистанский экономический коридор, фокусируются на инфраструктурных потребностях крупных корпораций, игнорируя так называемый неформальный сектор, в котором занято большинство пакистанских малоимущих граждан, или даже принося ему вред. Это лишь усугубляет значительное экономическое неравенство в Пакистане.

Посмотрим, например, на систему переработки твердых отходов в Лахоре. В 2010 г. правительство Пенджаба приватизировало сбор, перевозку и переработку лахорского мусора, основав государственную «Лахорскую мусороперерабатывающую компанию» (далее ЛМК). Впоследствии эта компания перешла к аутсорсингу через найм двух турецких мультинациональных компаний, Ozrak и Albayrak. За каждую тонну мусора на её свалках ЛМК выплачивает турецким коллегам 20 долларов США. Продолжающееся строительство новых дорог, а также расширение и ремонт

Стоянка сборщиков мусора, где они сортируют отходы, собранные в городе. Фото Кхуррама Сиддики.

старых способствуют повышению производительности турецких компаний, так как обновленная дорожная система позволяет им более эффективно применять оборудование.

Один из центров компании Ozrak находится неподалеку от Лахорской кольцевой дороги, недавно построенной шестиполосной магистрали. Мусор из разных частей города собирается и транспортируется на пункт переработки на специализированных импортных грузовиках, оборудованных техническими средствами для сбора и прессования мусора. На более узких дорогах компания использует ряд пикапов, на которых также установлено спецоборудование. После транспортировки мусора на пункт переработки он перегружается на крупные грузовики и перевозится на свалку Лаходар, принадлежащую ЛМК и расположенную неподалеку от кольцевой дороги. Очевидно, что кольцевая магистраль — ключевая инфраструктурная деталь функционирования мусороперерабатывающих компаний, позволяющая им экономить огромные объемы ресурсов (таких как время, топливо, рабочая сила).

Технологически усовершенствованное функционирование компании Ozrak контрастирует с работой «неформальных» сборщиков мусора, собирающих отходы и перерабатываемые материалы со всего города и перевозящих их пешком, на осле, велосипедах или мотоциклах. Некоторые работники этой сферы за небольшую ежемесячную плату собирают мусор во дворах жилых домов, другие роются в горах мусора на обочинах и свалках в поисках того, что можно сдать в переработку. Хотя Ozrak запрещает сборщикам мусора появляться на её территории, государственные центры переработки и свалки открыты для сборщиков, выполняющих грязную работу по сортировке мусора — бутылок, бумаги, картона, пластика и металла. Эти перерабатываемые материалы затем продаются малому бизнесу, занимающемуся переработкой мусора, который затем продает его малым промышленным учреждениям, превращающим их в материалы для использования.

Однако, хотя сборщики мусора представляют собой основу мусороперерабатывающей промышленности и работают в самых неприятных и часто опасных условиях, они находятся на самом дне экономики, получая мизерный

доход по непредсказуемому графику и страдая от социальной стигмы и дискриминации, связанных с их профессией. Неудивительно, что большинство из них принадлежат к низшим слоям лахорской социальной иерархии.

Что еще хуже, трансформация дорожной инфраструктуры Лахора напрямую и косвенно влияет на мизерные зарплаты сборщиков мусора. Лахорская кольцевая дорога негативно сказалась на жизни сборщиков по целому ряду параметров. Во-первых, основные транспортные средства — повозки и велосипеды — запрещены на кольцевой дороге, из-за чего сборщикам приходится ездить по узким и забитым боковым улицам. Работа сборщика мусора, помимо прочего, связана с частой необходимостью пересекать кольцевую дорогу, из-за чего ему приходится либо преодолевать немалые расстояния до ближайшего перехода — одного из совсем немногих на магистрали — либо рисковать жизнью и перебежать дорогу в условиях жёсткого трафика. Новое шоссе стало новым барьером и ярмом на шее сборщиков мусора.

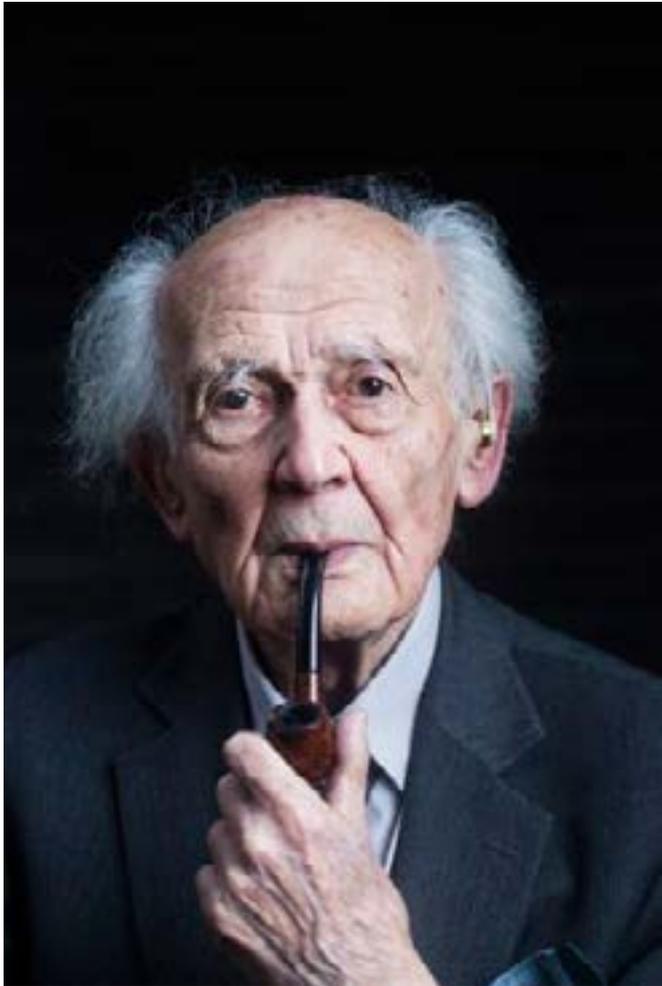
Кольцевая дорога также косвенно помогает мусороперерабатывающим компаниям, чьи интересы нередко сталкиваются с интересами сборщиков. В некоторых районах домохозяйства перестали платить сборщикам мусора, так как теперь мусор на их улицах собирают компании. Более того, методы сбора мусора компаниями делают его менее доступным для сборщиков, так как теперь у них остается меньше времени на его сортировку. Компании относятся к работе сборщиков как к фактору, замедляющему их операционные процессы.

Итак, инфраструктурное развитие лахорских дорог помогает мусороперерабатывающим компаниям получить гарантированный и растущий доход, в то время как сборщикам приходится справляться со все более прекарными условиями жизни. Хотя эффективные сбор и переработка мусора в крупном и все еще растущем городе, подобном Лахору, несомненно, требуют использования мусоровозов и необходимой технологии, приватизация данного сектора произошла без оглядки на выживание бедных и маргинализированных слоев населения, и лишь добавила им трудностей.

Переработка твердых отходов — лишь одна из немногих сфер, в которой новая общественная инфраструктура лишь углубила и так бытующее в Пакистане неравенство. Экономически маргинализированные группы никоим образом не участвовали в планировании и разработке новой системы. Несмотря на это, есть и причины для оптимизма — некоторые сообщества с низким доходом превратили инфраструктуру в основу гражданства. Наши исследования показывают, что некоторые общественные инициативы успешно использовали протесты и иные политические стратегии для требования улучшения инфраструктуры в районах проживания низкоресурсных слоев населения. Прочные давние альянсы направляют публичные ресурсы Пакистана в руки корпораций через различные инфраструктурные проекты, и потому мы можем ожидать, что общество еще бросит им вызов. ■

Корреспонденцию направляйте Амену Джафферу на адрес amen.jaffer@lums.edu.pk

> Моральное видение Зигмунта Баумана

| Зигмунт Бауман.

Польский социолог Зигмунт Бауман умер в возрасте 91 года, завершив блистательную карьеру одного из ведущих мировых социологов. Подвести итог жизни и трудов столь значительной фигуры весьма сложно, однако, по словам Кита Тестера, истина в том, что «такие люди, как Зигмунт Бауман, больше никогда не появятся в мире науки. Он принадлежит к тому поколению центрально- и восточноевропейских интеллектуалов, которые в буквальном смысле пережили все катастрофы двадцатого века. Он действительно испытал то, о чём другие только пишут».

Бауман родился в 1925 г. в городе Познань в еврейской семье. В 1939 г. семья вынуждена была бежать в СССР от вторжения гитлеровской армии. Через четыре года юный Бауман присоединился к польской армии, которая сражалась на восточном фронте на стороне Советского Союза. Несмотря на ранение, Бауман вернулся на фронт и принял участие в битве за Берлин в 1945 г.

После войны Бауман быстро продвигался по службе, получил звание капитана армии и стал комиссаром. В то время он был коммунистом довольно идеалистического толка. Однако его вера в партию сильно пошатнулась в начале 1950-х гг., когда во время антисемитской чистки он был уволен из Вооружённых сил. Бауман быстро переключился на научную деятельность и в 1954 г. стал лектором по социальным наукам в Варшавском университете. Он построил успешную карьеру в социологии, опубликовав множество работ на самые разные темы. К середине 1960-х он стал заведующим кафедрой общей социологии в Варшавском университете.

Однако власти, похоже, уже смотрели на Баумана как на марксиста-ревизиониста, особенно после написания им нескольких скептических статей об определённых аспектах госсocialистических обществ, включая ограниченные возможности плановой экономики. Бауман стоял на шатких позициях, и в 1968 году во время очередной антисемитской чистки научных работников он был уволен из Варшавского университета вместе с пятью другими профессорами. В том же году Бауман с семьёй покинул Польшу. После череды временных академических должностей в Израиле, Австралии и Канаде он наконец закрепился в Великобритании. С 1971 г. до самого выхода на пенсию Бауман занимал пост профессора социологии в Лидском университете.

Прочно обосновавшись в Лидсе, учёный сразу зарекомендовал себя как узнаваемую личность в британской социологии. Зная несколько европейских языков и имея всестороннее представление о многих философских и социологических теориях, Бауман способствовал всплеску интереса к континентальной теории. В 1980-х гг. его считали ключевой фигурой в исследованиях того, что в те времена называлось «пост-модерностью». Однако Бауман быстро начал понимать, насколько рискованно быть загнанным в интеллектуальные рамки, которые только начинали формироваться в то время, — довольно аполитичные и даже реакционные.

В этот переломный момент, не переставая критически смотреть на новый социальный порядок, Бауман решил сосредоточиться на исследовании образа «текущего модерна». Начиная с монографии «Текущая современность», выпущенной в 2000 г., в своих работах учёный рассматривает последствия маркетизации и индивидуализации, характерные для более широкого неолиберального проекта, и не теряет чувствительности к тому, сколько боли и вреда эти процессы причинили многим людям.

Основной фокус всех поздних работ Баумана — характеристики самой современности. Его ключевая книга «Современность и холокост» (1989), где освещаются все основные аналитические аспекты этой темы, является новаторским исследованием, за которое учёный получил Европейскую премию Амальфи по социологии. Главная тема монографии — невероятные возможности для причинения зла, сокрытые в модернистском проекте посредством «рационального» организационного потенциала, реализованного в современных обществах. Все

последующие публикации Баумана несут в себе явный моральный заряд.

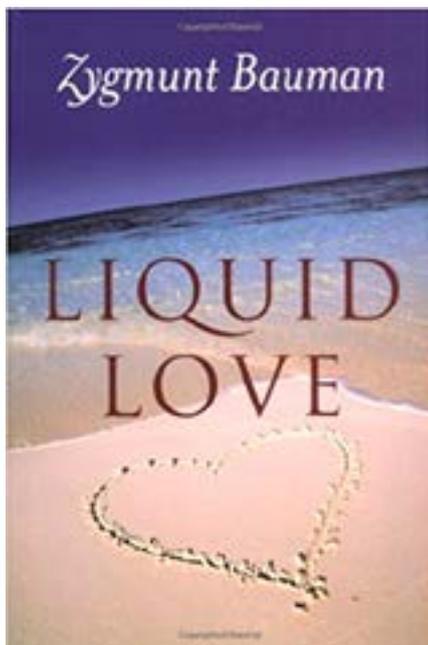
После публикации «Постмодернистской этики» в 1993 г. Бауман стал влиятельной фигурой в сфере социологии этики и способствовал тому, чтобы это направление стало значимой областью науки. Учёный испытывал глубокий скепсис по поводу традиционных социологических представлений о нравственности. Причиной этому являлись ужасы двадцатого столетия, некоторые из которых выпали на его долю лично. Скептический взгляд привёл Баумана к длительному интеллектуальному увлечению работами философа и теолога Эммануэля Левинаса. Изучая его труды, исследователь разработал то, что можно назвать моральной феноменологией, где источники морального действия считаются фундаментальной, неотъемлемой составляющей человеческого бытия, более древней, чем процессы социализации, и предшествующей им.

Исследования Баумана в области этики остаются спорными и часто представляются социологам проблематичными. Однако блестящим и актуальным является его социологический (а не философский) фокус на разрушительной силе институтов и их тенденции к ограничению и притуплению нравственных способностей человеческих акторов. Социологи, стремящиеся к тому, чтобы их дисциплина стала чем-то большим, чем голая административная наука, продолжают читать работы Баумана во все времена. ■

Питер МакМайлор, Манчестерский университет, Великобритания

> Зигмунт Бауман,

скептик-утопист

Биографию Зигмунта Баумана было бы легко подогнать под доминантный нарратив о польской интеллигенции двадцатого века. Травмированное военным опытом и увлечённое коммунистическим проектом, это поколение недолгое время предпринимало попытки «починить» существующий в реальности социализм, прежде чем обнаружило его неизменную тоталитарную природу. Позже, в 1989 году, именно интеллигенция помогла свергнуть коммунистический режим. Теперь, наконец, она наслаждается победой, приняв на себя роль ментора — объясняя людям, как обращаться с непростым даром свободы.

К счастью, жизнь Зигмунта Баумана не вписывается ни в этот нарратив, ни в стоящую за ним траекторию. Несмотря на погружённость в историю, этот учёный никогда не плыл по её течению. И хотя Бауман тонко чувствовал смену исторических контекстов, ему удалось сохранить собственный голос.

Взгляды Баумана могут быть определены как скептический утопизм. Анализируя социальный порядок, он всегда выявлял те элементы утопии, которые поддерживали существующие структуры господства. При этом он также об-

ращался к утопии, чтобы укрепить свою критическую позицию и выступить в поддержку социальных изменений. Эта перспектива уходит корнями в послевоенный опыт Баумана в Польше и явно прослеживается в его поздних работах.

> Сталинизм: гетерогенный опыт

Господствующий нарратив о преданности послевоенной (польской) интеллигенции идеям сталинизма, несомненно, присутствует в эссе «Порабощённый разум» (Captive Mind), автор которого, Чеслав Милош, позднее получил Нобелевскую премию по литературе. В этой книге образованный класс Польши описывается как атеистический и поражённый нигилистическими настроениями. Пустоту на месте религии заполняет коммунизм с его детальным объяснением мироустройства, внушающий интеллектуалам некоторую надежду отстроить разрушенный мир заново. Марксизм представляет собой достаточно сложную и привлекательную философию, способную привлечь на свою сторону благородных мужей, дав им почувствовать себя ближе к политической власти и народу. Милош описывает приверженность коммунизму и сталинистским практикам в псевдорелигиозных терминах, таким образом, обосновывая пыл юных интеллектуалов и их преданность идеалам новой системы.

Эта история может отчасти соответствовать опыту новой культурной элиты, сильно увлечённой сталинизмом. Однако она не помогает понять многообразие путей, ведущих к сталинизму, или различные способы познания этой идеологии. Что касается нашей темы, то это важно отчасти потому, что для юного Зигмунта Баумана, а также для целого кружка социологов-марксистов Варшавского университета — включая Ежи Вятра, Марию Хиршович, Владимира Весоловского и Александру Ясиньску-Каню — фигурой первостепенной важности являлся социальный философ Юлиан Хохфельд.

В начале 1950-х гг. Хохфельд призвал к исключению социологии из университетов как буржуазной науки, которой не место в социалистическом государстве. Однако, Хохфельд далеко

не полностью соответствует описанию интеллектуала-коммуниста, предложенному Милошем. До войны он был учёным и активистом Польской социалистической партии (ППС), а после войны надеялся, что при коммунистическом режиме будет возможно существование независимых социалистических партий. Когда стало ясно, что Сталин планирует уничтожить все партии, независимые от Москвы, Хохфельд стал настаивать на объединении ППС с коммунистической Польской рабочей партией. Это, в конце концов, и произошло в 1948 году, когда образовалась новая Польская объединённая народная партия. Сталинистские взгляды Хохфельда были основаны не на идеологическом энтузиазме, но представляли собой стратегический выбор перед лицом стремительно сужающегося пространства для политических манёвров. Тем не менее, надежды Хохфельда на продолжение политической деятельности в новой партии не оправдались. Несмотря на членство в парламенте, он быстро оказался не у дел, хотя и продолжал в рамках научной деятельности критиковать систему, особенно после конца сталинизма в 1956 г. Хохфельд стремился анализировать механизмы отчуждения, функционирующие при социализме, старался проанализировать роль парламента в системе демократического централизма. Кроме того, он основал единственный в своём роде социалистический научный журнал, посвящённый политике, — «Социально-политические исследования».

Опыт Хохфельда отчасти повлиял на Зигмунта Баумана и помог сформировать его понимание реальности существующего социализма. Хотя в эпоху холодной волны между капитализмом и социализмом Бауман всецело был на стороне социализма, из его работ и общей позиции очевидны некоторые сомнения по поводу этой идеологии. Следуя по пути, проложенному своим ментором, Бауман сражается на двух фронтах. Как социолог-социалист он критикует капитализм, однако он недоволен и обликом социализма: он указывает на недостатки строя, не сводя их к пагубному влиянию сохранившихся капиталистических механизмов и пережитков.

> Социалистическая критика капитализма

В книгах, написанных Бауманом до 1968 г., капитализм и социализм рассматриваются как индустриальные общества. Это означает, что для них обоих характерны массовое производство, наличие рабочего класса и разветвлённая бюрократическая организация. Таким образом, социалистическое общество не может быть осмыслено в полной изоляции от знаний о капиталистических обществах.

Для работ Баумана, опубликованных в этот период, характерны попытки критического заимствования научного наследия западной социологии и адаптации его к польской культуре с целью создания теоретических рамок для анализа социалистического общества. Разумеется, это общество отличается от капитализма в том, что касается организации собственности, механизмов формирования иерархий, а также типа модернизации, которая в условиях капитализма происходит по диктату капиталистов, а при социализме управляется методом центрального планирования. Однако по обе стороны железного занавеса мы видим деградацию власти, отчуждение труда и снижение чувства связи между личной биографией и коллективной жизнью. Поэтому в 1964 г. Бауман в своём знаменитом труде «Социология на каждый день» (позже ставшем основной книги «Мыслить социологически») высказывает утверждение, что социология должна критически наблюдать за этими процессами, обращаясь не только к представителям власти и элитам, но и к простым людям.

Вскоре стало ясно, на какой рискованный путь ступил Бауман. В 1965 году он выступил в защиту репрессированных студентов Куроня и Модзелевского, авторов «Открытого письма к Партии» — ревизионистской критики реального социализма. Бауман стал неблагонадежным лицом, представлявшим собой потенциальную угрозу однопартийной системе. Через три года, когда государство пыталось всеми возможными методами сохранить свою легитимность во время студенческих протестов, увольнение Баумана из университета стало ключевым символом в борьбе с так называемыми возмутителями спокойствия и сионистскими настроениями. Как и тысячи других людей еврейского про-

исхождения, Бауман был вынужден покинуть Польшу и начать жизнь эмигранта.

> Утопическая роль социолога

Со времени изгнания из Польши начинается самый длительный период молчания в научной жизни Баумана (за исключением прямого описания антисемитских чисток в Польше и общеобразовательной книги о культуре). Завершением этого периода стала его монография «Социализм: активная утопия» (*Socialism: The Active Utopia*), являющаяся попыткой сформулировать критический подход в новых ситуациях. Именно эта работа определила дальнейшую программу исследований Баумана и его позицию критического социолога. В отличие от множества других представителей польской интеллигенции, например, Лешека Колаковского, Бауман не стал радикально отказываться от утопических обещаний социализма в пользу антитоталитаризма.

В книге «Социализм: активная утопия» Бауман призывает осознать усиление роли культуры в организации современной социальной жизни и отмечает возрастающую значимость роли личности в процессе конструирования социального порядка и освободительной борьбы. Это осознание требует понимания того, что, во-первых, не все социальные феномены определяются процессами производства, а во-вторых, не все виды доминирования и угнетения (здесь Бауман упоминает Холокост) произрастают из неравных условий доступа к собственности. В то же время сосредоточение на индивидууме, характерное для современных обществ потребления и движений за социальные изменения, скрывает от нас две важные формы доминирования: глобальную асимметрию между центром и периферией и неравенство между богатыми и бедными в рамках национального государства.

Последующую деятельность Баумана можно считать продолжением проекта, очерченного им в описанной выше работе. Его книги о современности и постсовременности, демонстрирующие скепсис по поводу утопии, читает широкая публика и признают интеллектуалы всего мира. История показала, что вера в возможность создания предсказуемого и прозрачного общества является причиной государственного насилия в отношении тех, кто не вписывается в образ идеального общества. Современные постмодерные

общества, как правило, отказываются от подобных идеальных образов, однако это не значит, что мы должны игнорировать негативные последствия утопических идей, укоренившиеся в самом сердце современной культуры, — включая веру в универсальную способность всех индивидуумов создавать самих себя, выбирая из широкого спектра возможностей, предоставляемых на рынке. В своём труде «Современность и амбивалентность» (*Modernity and Ambivalence*) социолог описывает привлекательность этой утопии конструирования и обсуждает её риски, в том числе постоянное чувство личной несостоятельности, лихорадочный характер деятельности субъекта в поисках аутентичной идентичности, зависимость от экспертных суждений и, наконец, опасность редуцирования других индивидуумов до рыночных элементов.

Помимо описания негативных последствий жизни в системе общества потребления, Бауман постоянно обращает внимание на тех, кто из этой системы исключён. Исключённые очень часто становятся невидимыми, так как их удерживают за горизонтом потребительского опыта эффективные институциональные и символические инструменты. К категории исключённых относятся малоимущие, бездомные, иммигранты и беженцы. Об их опыте Бауман говорит как о «жизни, растроченной понапрасну». Роль критики, утверждает учёный, заключается в интеграции исключённых в зону видимости и напоминание о том, что это живые люди, которым нужна помощь, защита и уважение. Связь между нами и ними не может быть основана на материальном интересе или политическом преимуществе, которое может дать альянс с исключёнными. Скорее, эта связь должна быть этической по своей сути, основываться на импульсе, имеющем отношение к общности всех людей на Земле.

Объявив своей задачей распространение этого утопического импульса, Зигмунт Бауман противопоставил себя большей части восточноевропейской интеллигенции, которая, пытаясь идти в ногу с социальными изменениями, обозначила свою роль как свидетеля и инструктора общества. Бауман показал, что понимание динамики социальной жизни не должно мешать социологам вставать на сторону тех, кто оказался обезчеловеченным, оставаясь на периферии общества. ■

Мацей Гдула,
Варшавский университет, Польша

> Вспоминая

Зигмунта Баумана

Зигмунт Бауман и Питер Бейхарц.
Фото Шан Супски.

Когда уходит император, всегда кто-то скорбит, а кто-то злорадствует. Наступило междуцарствие? Был ли Зигмунт Бауман императором? Не думаю. Он поздно добился славы, неохотно играл звёздную роль и был неспособен за 10 секунд сформулировать свою идею. Он говорил, что понимание приходит сразу, а не шаг за шагом. Однако мировое значение Баумана не вызывает сомнений. Он был одновременно инсайдером и аутсайдером социологической сцены.

Первая англоязычная книга Баумана появилась в 1972 г. и была посвящена британскому рабочему движению. За эту работу он подвергся критике со стороны Эдварда Томпсона и много лет оставался вне зоны

академической видимости или на её периферии. Его игнорировали коллеги, его обвиняли в самоплагиате, его обличали за якобы «выдуманную» социологию, так как его анализ совершался посредством метафор, а не официальных баз данных. Коммунистическое прошлое Баумана также вызывало сомнения; с ним явно было что-то неладно. Эпигоны хотели согнать его со сцены в борьбе за место под солнцем.

Тем не менее, Баумана читало и слушало великое множество людей из самых разных стран мира, и встреча с учёным — лично или же на страницах его книг — меняла их жизнь навсегда. Возможно, это и было предметом зависти со стороны коллег. Отойдя от сухих сносок

>>

и примечаний, Бауман обратил свой взгляд на насущные вопросы. Он больше не писал для коллег, пусть те и следили за его работами регулярно, но обратился к простым обывателям, к уровню их повседневного бытия. Он опирался на данные, свидетельствующие о повседневной жизни людей, на опыт двадцатого века и его следствия; он призывал нас отнестись к проблемам мира как к нашим личным, нашим общим проблемам. Задачей интеллектуалов в то время было ставить вопросы, а не давать ответы тем, кого действительно коснулись эти вопросы. При этом неважно, шла ли речь о бедности, вынужденной мобильности и страдании или об опыте любви, утрат и лояльности.

Расскажу одну историю. Бауман был если не рассказчиком, то интересным собеседником. Двадцать пять лет я ежегодно ездил к нему в Лидс. Последний раз я виделся с ним в 2015 году на празднике по случаю его 90-летия. Я тогда работал в Стелленбосском университете в ЮАР. И вот он внезапно, будто из-под земли, объявился в ЮАР, и мы отправились в Кейптаун, оттуда полетели в Манчестер, затем поехали на поезде в Лидс через Пеннинские горы в Великобритании. (Последний его день рождения я пропустил; мы были в китайском городе Чэнду, куда нас пригласили прочесть лекцию о Зигмунте и Янине Бауманах. Китайцам Бауман тоже очень интересен.)

Перед отъездом в Китай я работал над текстом для Баумана, который собирался отправить в журнал *Revue Internationale de Philosophie*. Привлекательность его трудов состоит, помимо всего прочего, в том, что и 30 лет спустя они остаются интересными. Когда я взял в библиотеке Стелленбосского университета «Законодателей и толкователей» (1987), я обнаружил, к своему приятному удивлению, что все до единой страницы книги испещрены заметками. Следующей работой, которую я перечитал, стала «Текущая современность» (2000). Третья глава этой книги называется «Время/пространство». Книга открылась на странице, где Бауман говорит о ЮАР — собственно, о городе Сомерсет-Уэст, недалеко от которого я жил и работал. Почему речь в работе зашла о нём? Здесь в ЮАР жилые комплексы с огороженной территорией возведены в ранг искусства. Проект, которым занимался Бауман, носит уморительное название «Heritage Park» — «Парк Наследия». Он так и остался недостроенным. Автострада N2 — широкая бетонно-стальная преграда — отделяет стройку от Луандла, гордого посёлка темнокожих, знаменитого своими достижениями в борьбе с апартеидом. И вот мы здесь — господа и рабы, туристы и скитальцы; взгляд Баумана простирается от Лидса до самой Южной Африки.

Он нахмурился и ехидно (потому что ехидство было при нём всегда) спросил, не украл ли я эту книгу из библиотеки. Я сказал, что нет, просто взял почитать. И

вот мы изучаем её вместе у него дома в Лонсвуд-Гарденс, районе города Лидс. Это был последний раз, когда мне довелось с ним пообщаться. Может быть, путь из Сомерсет-Уэста был долог, а может, и нет. Современность путешествует вместе со своей тёмной стороной.

Для меня стало честью, среди прочего, быть переводчиком Баумана. Как он говорил, моя работа заключается в том, чтобы внести порядок в его рабочий хаос. Он писал, потому что не мог не писать: подтверждение этому — около 58 книг на английском языке. Такая творческая активность свидетельствует о том, что Бауман был страстно увлечён проблематикой своего времени, темами повседневности, которую он назвал «текучей современностью».

И вот мой совет всем новичкам: возьмите наугад любую тему или мысль из текстов Баумана и попытайтесь её развить. Подобно Зиммелю, он был социологическим импрессионистом и анализировал жизнь фрагментами. При этом он всегда являлся последователем Маркса, так что можно сказать, что его социологический интерес был обращён к культуре и отношениям внутри неё, асимметричным отношениям производства и распределения. При этом его, как и Грамши, никогда не оставляло убеждение в том, что нам есть куда стремиться.

Теперь, когда он ушел из жизни, как мы можем охарактеризовать его наследие? На протяжении моей совместной работы с Бауманом я несколько раз пытался дать характеристику его трудам. Они посвящены критике модернистского экссесса, социологии избыточного потребления, теории альтернативных модерностей (включая нацистскую Германию) и социологии отходов. В более привычных терминах баумановскую теорию можно назвать критикой современности без иллюзий, восточно-европейской критической теорией (и важно именно то, что она восточная) или же веберовским марксизмом. Его труды содержат множество других проектов, в том числе критику классифицирующего разума. Его последние работы можно рассматривать как диагноз, поставленный времени, критику примет времени, серию предупреждений, высказанных с надеждой на лучшее.

Был ли он примером для других? Можно с уверенностью позитивно ответить на этот вопрос. Однако лидером он не был. Его пример помогает нам понять, что каждый из нас должен идти своим собственным путём. Это единственная надежда критической социологии. ■

Питер Бейлхарц, Университет Кёртин, Австралия

> СОЦИОЛОГИЯ

в несоциологические времена

Говард Рамос, Президент Канадской социологической ассоциации, Университет Далхаузи; **Рима Уилкс**, Избранный Президент Канадской социологической ассоциации, Университет Британской Колумбии; **Нил МакЛафлин**, Университет Макмастера, Канада

Фото Арианы Ханемаайер.

В последние несколько лет мир стал свидетелем националистических настроений, ксенофобии, выхода Великобритании из Евросоюза и выборов Дональда Трампа. Мир полон пост-правды, ложных новостей и статей, обвиняющих отдельных людей в масштабных социальных проблемах. Несказанно популярны упрощенческие, примордиальные и индивидуалистические оценки социальных проблем. Это влияет на культурную среду, в которой живут и работают социологи.

Социологические подходы всё чаще отвергаются мировыми лидерами. Французский премьер-министр Мануэль Вальс, к примеру, заявил, что социология — это «культура извинений», а канадский экс-премьер

Стивен Харпер любил повторять, что сейчас не время «заниматься социологией», когда его спрашивали о глубинных причинах терроризма или насилия в отношении женщин, принадлежащих к коренным народам. Казалось бы, социология расходитя с широкими политическими трендами.

Многие лидеры, политические деятели и простые обыватели, не принадлежащие к академическим кругам, не видят пользы социологии. Попытки понять социальные корни и причины насилия или смягчить условия, порождающие потоки беженцев, бедность и другие формы неравенства, всё чаще отвергаются как наивность или расцениваются как заигрывание с насилием и экстремизмом. Именно таким отноше-

>>

нием к социологии объясняется закрытие социологических факультетов в Азии и Латинской Америке; этот процесс показывает, что дисциплина находится на вторых ролях по сравнению с другими общественными науками, в первую очередь, экономикой и психологией.

Мы убеждены, что социологии в ближайшие годы предстоит сыграть важную роль. Самые насущные проблемы мира требуют анализа более широкой структурно-исторической динамики, а для этого необходимы, в том числе, социологические методы и аргументы.

Однако, чтобы быть эффективной, социологическая дисциплина должна идти в ногу со временем. Ей необходимо многообразие — не только людей из различных культур, занимающихся социологией, но также разнообразие теорий, идей и практик. Многие неспециалисты воспринимают социологию как чрезмерно морализаторскую дисциплину, предлагающую готовые решения социальных проблем, которые импонируют только политическим левым.

Нам принесут пользу специальные знания других дисциплин, внимание к консервативным мнениям, экспериментальные и передовые методы — такие, как непараметрическое моделирование, машинное обучение и моделирование адаптивных систем, а также новые формы визуального анализа и интерпретативного качественного исследования. Так мы сделаем социологию открытой для новой аудитории.

Социологи также должны общаться с широкой публикой, включая тех, кто не согласен с их выводами. Социологов часто обвиняют в использовании туманного жаргона и социологизмов, например, таких словосочетаний, как «социальный конструкт» — терминов, которые производят впечатление неоспоримых аргументов. Чтобы избежать ярлыка «элиты» и «оторванных от жизни» ученых, нам следует перевести знания на язык повседневности, которым пользуются люди за пределами академических кругов.

Кроме того, важно выявить возможности социологической интервенции и уметь действовать быстро в контексте соответствующих условий. Социологи должны понять, какие изменения происходят в различных обществах, и сосредоточиться на возникающих социальных проблемах, а не заикливаться на том, что дисциплине якобы уже известно, пользуясь теориями времён промышленной революции или изучая опыт давно отгремевшего бэби-бума.

Нам нужно глубоко изучить давние проблемы, которые стоят перед обществами всего мира, — классовое неравенство, конфликты с коренными народами и пережитками колонизации. Более того, мы должны обратить внимание на вопросы, которых социологический мейнстрим часто избегает, например, на адаптацию к климатическим изменениям, распространение искусственного интеллекта и робототехники, смену норм и ожиданий в области гендера и сексуальности, распространение автократии во всём мире.

В этом номере «Глобального диалога» канадские социологи Даниэль Белан, Фуюки Курасава, Патриция Лэндолт, Шерил Тилаксингх и Карен Фостер обсуждают значимость социологии для государственной политики и мобилизации знаний, рассматривают социологические подходы к анализу глобальной несправедливости, затрагивающей вопросы гражданства и климатических изменений. Даже в несоциологические времена социологи могут (и должны) указывать путь.

Осознавая ограниченность наших знаний, уважая позиции тех, с кем мы не согласны, и готовые к новым удивительным открытиям, мы — социологи — можем содействовать развитию социальной грамотности, необходимой для того, чтобы ориентироваться в современности. В ходе этого процесса социологии удастся разработать долгосрочные решения самых актуальных мировых проблем. ■

Корреспонденцию направляйте:

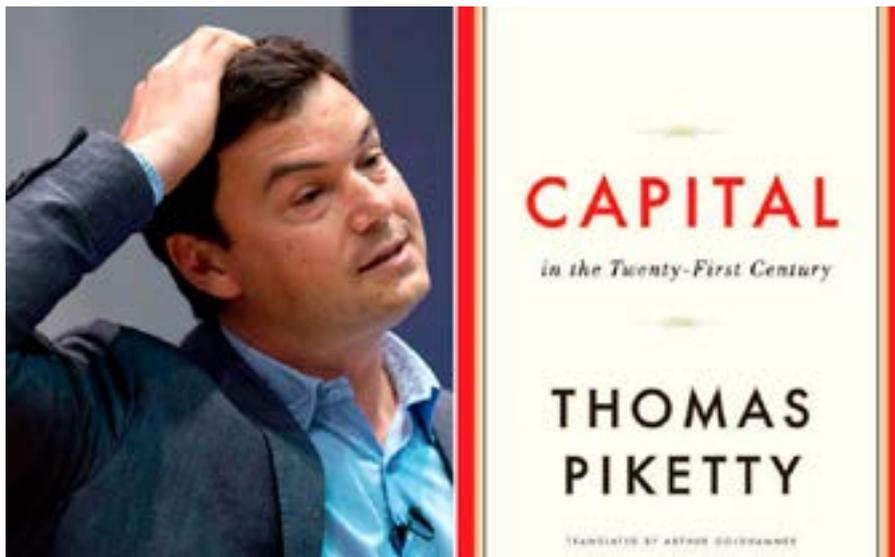
Говарду Рамосу на адрес howard.ramos@dal.ca

Риме Уилкс на адрес wikesr@mail.ubc.ca

Нилу МакЛафлину на адрес ngmclaughlin@gmail.com

> «Социологизация» в сфере публичной политики

Даниэль Белан, Школа публичной политики имени Джонсона Шояма, Президент Исследовательского комитета МСА по вопросам бедности, социального обеспечения и социальной политики (ИК19)

Томас Пикетти, мятежный экономист, специалист по вопросам неравенства: крадут ли экономисты лавры у социологов?

В большинстве стран социология не особенно востребована в сфере публичной политики по сравнению, например, с экономикой. Этот статус отражается в словах бывшего канадского премьер-министра Стивена Харпера, призвавшего «избегать социологизации». Как социолог, работающий в канадской политической школе, я ежедневно общаюсь с экономистами и рутинно использую их работу в своей собственной. Что поражает в экономике, самой престижной научной дисциплине в политических кругах, так это ее способность реагировать на конкретные политические проблемы с применением тонких теоретических и методологических инструментов.

Но хотя этот фокус на политических мерах — сильная сторона мейнстримной экономики, у дисциплины, несомненно, есть и слабые места. К таковым, например, относится тенденция к исключению тем, которые социологи и другие социальные ученые издавна признают как ключевые, что значительным образом затрудняет интердисциплинарный диалог о публичной политике.

И все же если социологи надеются на то, чтобы войти в мир политики, если они хотят, чтобы их работы влияли на

ход политических дебатов, если их интересует релевантность их дисциплины за пределами академии, им необходимо брать пример с экономистов. Социологи должны научиться определять потенциальные политические последствия своих исследований и стараться понять, как донести эту информацию до политиков.

Эта задача особенно важна, потому что экономисты активно расширяют свою деятельность и начинают заниматься темами, в которых доминантное положение ранее принадлежало социологам. Несмотря на важные исключения из правила (в Канаде на ум приходит Джон Майлс, изучающий вопросы социальной политики, а также Жерар Бушар и Виктор Сацевич, занимающиеся вопросами иммиграционной политики), социологов в целом не рассматривают как легитимный или важный источник экспертного мнения в сфере политики. Это касается даже проблематики неравенства, исследовательской области, в которой доминируют социологи, издающие работы о классе, доходе, гендере и этническом неравенстве. До недавнего времени большинство мейнстримных экономистов (то есть немарксистов) не придавали большого значения неравенству, так как оно не вписывается в неоклассические экономические модели.

Недавно, однако, экономисты обратили внимание на неравенство, начав предлагать конкретные политические меры по его снижению. Книга Томаса Пикетти «Капитал в двадцать первом веке» (2013) удостоилась значительного внимания политиков всего мира. Так как она написана широко известным экономистом и благодаря господствующему положению экономистов в политических кругах, работа Пикетти привлекает большее внимание, чем работы многих социологов, которые и ранее публиковали работы, посвященные растущему неравенству.

Несмотря на это (или, быть может, благодаря этому), социологи должны предпринять особые усилия для того, чтобы достучаться до лоббистов и политиков, принимающих решения. Социологи склонны представлять более критичный и исторически укорененный взгляд на неравенство, чем экономисты (например, в исследованиях, посвященных асимметричным властным отношениям и их эволюции во времени в конкретных политических сферах). Именно поэтому так важно, чтобы их уникальный голос был услышан в политических кругах во время дебатов по поводу неравенства. В более общем плане, что касается неравенства (да и не только его), если социологи хотят принимать непосредственное участие в изменении мира вокруг себя, то им необходимо повышать статус прикладных аналитических исследований в своей дисциплине.

Если мы научимся предлагать политикам конкретные меры, они, возможно, увидят, насколько релевантна социология для разрешения крупнейших проблем, с которыми в настоящее время столкнулся мир. Социологи также должны сотрудничать с экономистами и научиться их готовности предложить практические решения насущных проблем. Это значит, что социологам, работающим с неравенством, необходимо более тщательно продумывать политический контекст своих рекомендаций. Они, например, должны предлагать конкретные меры, подобные канадской Программе гарантированного дохода для пожилых граждан или федеральной системы снижения уровня неравенства. Немаловажно также обращать внимание на вопросы финансирования и внедрения рекомендаций, что весьма значимо как для экономистов, так и для политиков.

Вторая исследовательская сфера, в которой социологи традиционно доминируют — и в которую сейчас внедряются экономисты — это анализ норм и формирования идентичности. Хотя Пикетти являет собой новое лицо эко-

номики в дебатах о социальном неравенстве, лауреат Нобелевской премии по экономике Джордж Акерлоф и его коллега Рейчел Крантон — сторонники того, что они называют «Экономикой идентичности» (2010). Экономика идентичности фокусируется на исследовании культурных норм (например, гендерных отношений и положения детей и пожилых), и их влияния на человеческое поведение. Эта проблематика традиционно принадлежала дисциплинарному домену социологии.

Экономика идентичности еще не приобрела такой известности за пределами академических кругов, как работы Пикетти, однако это значительное явление, так как мейнстримная экономика по традиции игнорирует нормы и идентичность даже в большей степени, чем неравенство. С междисциплинарной точки зрения то, что экономисты, наконец, обнаружили нормы и идентичности, — отличная новость, так как это могло бы привести к богатому междисциплинарному диалогу. Работа Акерлофа и Крантона может продемонстрировать социологам, как ученые, занимающиеся этими вопросами, могут выработать конкретные решения множества политических проблем. Например, изучение восприятия себя молодыми людьми по отношению к взрослым может помочь улучшить получение ими образования или сформулировать более эффективную анти табачную политику. Возможно, в прошлом социологи уже изучали эту проблематику и формулировали свои рекомендации, но именно экономика идентичности напоминает нам, что социальные нормы и идентичности — это важнейшие вопросы в исследованиях политики. Осознание этого факта должно вдохновить социологов на разработку и продвижение новых политических решений, основанных на эмпирическом анализе. Эти примеры подсказывают, что мейнстримная экономика стала уделять больше внимание важным социальным феноменам, вопросам, которые давно попали в поле зрения социологов. Новые возможности междисциплинарного сотрудничества бросают вызов социологам, работающим в этих сферах. Социологам теперь нужно активнее продвигать результаты своей аналитики за пределами академии. Они должны прибегать к помощи как традиционных, так и социальных медиа, чтобы достучаться до обывателей, лоббистов и политиков, чтобы «социологизация» стала императивом в политических дебатах, а не оставалось чем-то, что политики могут с легкостью и презрением отбросить в сторону. ■

Корреспонденцию направляйте Даниэлю Белану на адрес daniel.beland@usask.ca

> Прекарное негражданство в Канаде

Патриция Лэндолт, Университет Торонто, Канада, член Исследовательского комитета МСА по социологии миграции (ИК 31)

Социология остается одним из ключевых голосов в публичных дебатах, так как она бросает вызов обыденному пониманию социальных проблем, основанному на здравом смысле. Посмотрим, например, на миграцию и иммиграцию. В Канаде и других государствах переселенцев иммиграция часто понимается как переезд на постоянной основе с целью увеличения населения страны. Социология миграции показывает, однако, что стремительно растут масштабы временной миграции, и что политика, поощряющая миграцию, способствует распространению такого феномена как прекарное негражданство. Социологическая линза может предложить нам контргегемонную интерпретацию сложившейся системы иммиграции и ее влияния на социальное неравенство.

Во всем мире правовой статус и гражданство — критические детерминанты благосостояния и мобильности. Но они также создают неравенство. В последние годы государства отвечают на рост миграции созданием новых юридических категорий, определяющих правовой статус жителей страны, не имеющих гражданского статуса, институционализируя авторизованные траектории негражданства, что приводит к тому, что мигранты год за годом живут с неопределенным правовым статусом. Нередко такое положение дел толкает мигрантов на нелегальные действия.

Пути и доступ к гражданству подвергаются все большему ограничению, а система не предусмотренных законом методов задержания и депортации мигрантов получает все большее распространение. Такой глобальный сдвиг имеет свои особенности в каждой стране. В Канаде изменение соотношения между временной и постоянной миграцией приводит к росту прекарного гражданства, выраженного в иммиграции, рынках труда и опыте работы.

Прекарное негражданство представляет собой временный или ограниченный юридический статус, ему соответ-

ствует опыт дифференциальной инклюзии. Прекарный юридический статус означает, что у человека есть лишь ограниченное право пребывания в стране, с ограниченным или даже отсутствующим правом на доступ к гражданским правам, признанным в данном государстве. Более того, прекарные неграждане могут быть депортированы. Государство может силой задержать неграждан и удалить их со своей территории.

Прекарные неграждане живут, работают, учатся и заводят семью в стране, где их права на проживание, работу и доступ к государственным ресурсам ограничены законом. В Канаде население с прекарным юридическим статусом включает в себя все категории временных трудовых мигрантов, иностранных студентов, заявителей на статус беженца, людей со спецвизами, а также всех жителей без определенного статуса. В 2010 году в Канаде, стране с населением 34 млн человек, жили и работали от 1,2 до 1,7 млн прекарных неграждан.

В Канаде издавна существует напряжение между стремлением пригласить иммигрантов в качестве ресурса долгосрочного роста народонаселения и в качестве кратковременного источника трудовых ресурсов. Исторически баланс между долгосрочными и краткосрочными целями решался через систему иммиграции, включающей два «коридора». Первый коридор предназначался для временных мигрантов, прибывающих на условиях существенных ограничений относительно потенциального места работы, срока пребывания и возможности привезти с собой семью. К мигрантам, попавшим в Канаду через этот коридор, относятся китайские мужчины, прибывшие для работы на железных дорогах в 1880-е, женщины из Карибского региона, приехавшие работать в домохозяйствах в 1950-е, а также мексиканцы, выполнявшие сезонную сельскохозяйственную работу в 1970-е. Второй коридор предлагает переезд на постоянной основе мигрантам, выбранным в рамках Федеральной системы рейтинга на основании уров-

“Специфика — в степени интеграции прекарных неграждан в канадскую со- циальную и экономическую структуру”

ня образования, семейных связей и способности к языкам. До начала 1990-х гг. эти два коридора были организационно и дискурсивно разделены. Первый коридор, по которому следовали неграждане и временные работники, был в основном скрыт от всеобщего обозрения, в то время как второй коридор, привозящий иммигрантов для национального строительства, постоянно находился на виду. Когда мы коллективно приветствовали канадскую модель иммиграции, мы, несомненно фокусировались именно на втором коридоре.

В 2000-е годы федеральная иммиграционная политика отошла от системы двух коридоров. Во-первых, критерии отбора независимых квалифицированных иммигрантов были сужены, чтобы отбор могли пройти только люди с большим объемом капитала, лучшим уровнем образования, а также лучшими показателями владения государственным языком. Во-вторых, критерии отбора для въезда беженцев и семей мигрантов были также сужены. В-третьих, требования к навыкам временных иностранных работников были ослаблены, чтобы стимулировать въезд *не только* высоко-, *но и* низкоквалифицированных кадров. Наконец, были введены новые механизмы, разрешающие избранному временным мигрантам получить постоянное место жительства в Канаде. Работодатели играют основную роль в определении, перейдет ли работник-негражданин в разряд постоянных иммигрантов. Таким образом, сузился коридор для прямой постоянной иммиграции, расширились коридоры временной миграции, а также появились новые механизмы перехода работников от временной к постоянной иммиграции. В результате в настоящее время в Канаде значительно выше число временных, чем постоянных случаев миграции.

Новое соотношение временной и постоянной миграции влияет на рынки труда в Канаде, так как прекарные работники-неграждане — это новая, отчетливо видимая характеристика экономического ландшафта. Вплоть до начала 1990-х гг. временные трудовые мигранты концентрировались в сезонном агропромышленном производстве, городском высококвалифицированном сервисном секторе, а также в сфере

домашней заботы, однако этот паттерн меняется. К 2011 году трудовые мигранты работали в каждой провинции и в каждом округе страны, в крупных и малых городах и в сельской местности. Такая географическая диффузия сопровождалась профессиональной диффузией и снижением статуса занятости мигрантов. В 2005 году пять самых распространенных форм занятости временных иностранных работников относились к высококвалифицированным и концентрировались в креативной индустрии. В 2008 году это была уже занятость в строительстве и низкоквалифицированном обслуживании в сфере общепита.

Прекарные работники – неграждане и граждане с различающимися правами в отношении с государством и работодателями теперь работают бок о бок на разнообразных рабочих местах Канады. Но нам известно очень мало о таких рабочих местах смешанного юридического статуса. Совершенно очевидно, что присутствие потенциально депортируемых работников на рынке труда оказывает некоторое влияние на всех работников. Данные из других стран показывают, что в такой ситуации происходит снижение общего уровня трудовых стандартов и ухудшение условий труда на рабочем месте.

Прекарное негражданство меняет баланс сил между работниками, работодателями и государством, а также между работниками – гражданами и негражданами. «Депортируемость» ограничивает способность работника защищать свои права на рынке труда. Конечно, такая разница между работниками-гражданами и подверженными риску депортации работниками-негражданами существовала и сто лет назад. Специфика нынешней ситуации заключается в масштабе феномена прекарного негражданства, в количестве людей, которое им затронуто, в системе иммиграции, а также в степени интеграции прекарных неграждан в канадскую социальную и экономическую структуру.

Корреспонденцию направляйте Патриции Лэндолт на адрес landolt@utsc.utoronto.ca

> Экологическая справедливость

как повестка дня социологии

Шерил Тилаксингх, Университет Райерсона, Канада

Демонстранты в Нью-Брансвике, Канада, выступают против разработки месторождений сланцевого газа.

В городах мира наблюдается рост расизма и национализма, однако, кажется, этот тренд миновал Торонто. В это трудно поверить, потому что Торонто — один из самых мультикультурных городов мира, и, как и во многих других крупных городах, условия жизни в нём разнятся от роскошных до скверных.

За последний год в мире выросло количество городских протестов, и на этот раз Торонто — не исключение. Конфликты, связанные с недовольством результатами президентских выборов США 2016 г.; демонстрации жертв отравления некачественной питьевой водой во Флинте (штат Мичиган); массовые акции коренных американцев против нефтепровода в резервации Стэндинг-Рок (штат Северная Дакота); движение Black Lives Matter, оспаривающее существование мнимой панацеи против расизма, — всё это примеры протестов, возглавленных миллениалами (представителями сетевого поколения Y), развернувшихся в пространстве социальных сетей и городских улиц.

Большинство населения Торонто имеет неканадское происхождение, и многие жители города принадлежат к

расовым меньшинствам. Здесь также возрастает общественное напряжение и мобилизация. Для некоторых стал шокирующим рост случаев проявления расизма в городе, известном своим мультикультурализмом. Акция движения Black Lives Matter в Торонто против полицейского произвола стала причиной отсрочки главного городского гей-парада, а тамильские беженцы перегородили одну из важнейших автострад города, чтобы напомнить жителям, какой социальной и пространственной сегрегации подвергаются расовые меньшинства, живущие в пригородах Торонто.

Вместо того, чтобы рассматривать данные события как отдельные политические и экономические акции, где фигурируют разные формы активизма или вмешательства, социологи обязаны разглядеть связь между активизмом, протестами и проблемами города и добиваться политических реформ. Я утверждаю, что экологическое правосудие даёт социологам скрытую возможность действовать именно таким образом.

Экологическая справедливость представляет собой теоретическую рамку и социальное движение, направленное на создание крупных экологических инициатив на базе множества отдельных социальных проблем. Расширяя традиционное и исключаящее понимание охраны окружающей среды до более инклюзивных представлений об энвайронментализме, тематика экологической справедливости охватывает широкий спектр социальных и экологических проблем: от здравоохранения, жилищных условий и градостроительства до полицейского контроля.

Что касается активизма, в борьбе за активную социально-экологическую политику движение в защиту экологической справедливости использует протестные стратегии движения за гражданские права: это блокирование дорог, петиции и кампании в СМИ. Вдохновлённое выдающимися работами Роберта Булларда, направление исследований, посвященное проблематике экологической справедливости, стало примером социологии, ориентированной на общественную жизнь, актуальной и чутко реагирующей на тесно связанные между собой социальные, политические, экономические и экологические проблемы современности.

В начале своего пути исследование экологической справедливости главным образом стремилось обратить внимание властей на тот факт, что зонами экологического риска непропорционально чаще становятся места проживания маргинализованного, бедного и коренного населения стран. В Канаде активисты движения за экологическую справедливость указали на то, что нынешнее плачевное состояние инфраструктуры является пережитком колониализма. Кроме того, было отмечено, что политические решения, касающиеся земли и ресурсов, часто принимаются без участия коренного населения, которое принимает на себя все последствия этих решений. В этой связи общая обеспокоенность состоянием земельных прав, здравоохранением и экологическими рисками порождает связь между проблемами, составляющими повестку дня экологической справедливости. Такая общая рамка позволяет нам провести прямую ассоциацию между протестами коренных жителей против добычи нефти из битуминозных песков в Альберте и протестом против строительства нефтепровода Dakota Access в Стэндинг-Роке.

Движение за экологическую справедливость в крупных городах, включая Торонто, также позволяет подвергнуть сомнению статус-кво и двинуться навстречу решению городских проблем, относящихся к социальному неравенству. Эта тенденция связана с систематическим урезанием инвестиций в сообщества расовых меньшинств с низким уровнем дохода, что приводит к сокращению площади зелёных зон и возможностей для здорового питания, а также к недостатку доступного жилья, невозможности пользоваться общественным транспортом, избыточному полицейскому контролю и растущей социальной стигматизации.

Как и в других странах мира, экосоциологи в Канаде изучают, каким образом государственная политика, СМИ и экологические НГО конструируют нужды маргинализованных граждан страны и удовлетворяют их требования. Социологические исследования показывают, что отвечая на вопросы о том, что кому достаётся и какими средствами, мы обнаруживаем механизмы создания эффектов экологической несправедливости.

Неравный доступ к ресурсам и власти является общей проблемой, с которой борется множество общественных движений в современном мире, и именно это может объединить различные направления активизма. В Торонто, как и во всем мире, привилегия белых ассоциируется с экономическим, социальным и экологическим преимуществами. Исторические паттерны принятия решений лишь укрепляют существующие структуры власти и поддерживают статус-кво: уровень жизни в экономически благополучных районах растёт, а в бедных — падает ещё ниже.

В последнее время движение за экологическую справедливость собирает под своим флагом протесты против расширения грязного нефтяного производства в Альберте и добычи нефти из битуминозных песков, а также антиглобалистские протесты против растущего неравенства. Сейчас транснациональные корпорации переносят фабрики в менее развитые страны, где зарплаты ниже, а экологическое законодательство не такое жёсткое. Поэтому эффекты глобализации связывают бедные слои населения и расовые меньшинства: эти группы уязвимы и подвержены экологи-

ческой несправедливости на работе, дома, в своих сообществах — как на локальном, так и на глобальном уровне.

Изменение климата — глобальная проблема для социологов, работающих в сфере экологического правосудия. Канадская политика климатической справедливости осложняется тем, что страна полагается на природное топливо как двигатель экономики. Те, кто оказывается в выигрыше вследствие такой политики, как правило, считают последствия климатических изменений и нефтепроводную экспансию проблемами отдалённого будущего, имеющими лёгкое решение. В противоположность этому, менее развитые страны сильнее подвержены стихийным бедствиям, часто обладают более бедной инфраструктурой, более крупными прибрежными поселениями и в большей степени опираются на натуральное рыболовство и сельское хозяйство. Именно эти страны тяжелее переживают последствия климатических изменений, обусловленных выбросами CO₂. Таким образом, перед Канадой стоит неотложная задача — принятие локальных решений в сфере энергетики, учитывая контекст глобальных последствий.

Приведенные выше примеры показывают, что существует по меньшей мере три аспекта проблематики экологической справедливости, которые могут оказаться полезными для «занятий социологией» в наше время кризисов и протестов.

Во-первых, социологам необходимо быть открытыми к междисциплинарным подходам. Исследование проблематики экологической справедливости предполагает использование количественных, качественных методов, изучение пространства и правовых документов. Оно основывается на теоретических рамках географии, юриспруденции, городского планирования, общественного здравоохранения и социологии. Некоторые исследования в области экологической справедливости посвящены выявлению нарративов и опыта тех, кто подвержен экологическим рискам, расизму и другим часто отрицаемым формам угнетения. Эти скрытые нарративы являются важной отправной точкой для изучения процесса изменений.

Во-вторых, социологи должны выступать за реформы социально-экологической политики — как государственные, так и инициированные частными компаниями. Наше понимание социальных и экологических проблем постоянно расширяется; необходимы действия в защиту климатической справедливости как на локальном, так и на глобальном уровне. Так мы сможем защитить уязвимые категории населения, на жизни которых сказываются медико-санитарные, экономические и экологические риски, связанные с изменением климата.

Наконец, в период после внедрения новой справедливой политики социологи должны играть роль наблюдателей и экспертов по оценке новых политических решений с точки зрения маргинализованных сообществ. Для этой задачи будет полезен интерсекциональный подход. Используя перспективу экологической справедливости, социологи смогут содействовать укреплению отношений между политикой и строительством общества, где торжествует социальная справедливость. ■

Корреспонденцию направляйте Шерил Тилаксингх на адрес teeluck@arts.ryerson.ca

> Социология во времена, похожие на все другие (но не вполне)

Карен Фостер, Университет Далхаузи, Канада

Дом в Галифаксе, Новая Шотландия, Канада, февраль 2017. Фото Карен Фостер.

Для многих 2016 стал концом знакомого нам мира. Популистские протесты, проявившиеся в голосовании Брексит и электоральной победе Трампа, кровопролитие, устроенное Duterte на Филиппинах, приход к власти авторитарных правительств и политических партий — всё это стало потрясением для неолиберального капиталистического порядка. Помимо авторитарных политических течений, мы видим распространение «фейковых новостей», а также растущее во всём мире негодование по поводу «политической корректности». Все это открывает перед нами эпоху, которую многие называют новой эрой «пост-правды».

Сейчас кажется, что мнения и эмоции стали важнее фактов. Уровень сопереживания «иным» упал до рекордного минимума, и мы рискуем повторить худшие преступления против человечества в истории. В такие политические времена социология становится главным объектом осмеяния. Однако если применить социологическое воображение, мы увидим скрытые тонкости ситуации, а через них — надежду и подсказки, что же делать дальше.

В истории легко находить переломы и сложно усмотреть постоянство. Социология и родственные ей науки много раз объявляли о наступлении перелома, конца или начала новых времён: «конец труда», «конец исто-

рии» и даже «конец социологии»! Однако дальнейшие исследования и ход времени показали, что все эти заявления были чересчур решительными. Каждый перелом всегда таит в себе нити постоянства. Фуко совершенно верно заявил: каждый миг — «такой же, как остальные, или, вернее, совсем не такой, как остальные»

Задача социологов — особенно исторических социологов — усмотреть связь между тем, что происходит сейчас, и всем, что было до этого, чтобы не упустить скрытых причин происходящего и не возложить по ошибке вину на промежуточные переломные. Либерально-демократическое общество, крах которого мы,

возможно, вскоре будем оплакивать, отчасти само посеяло семена собственного разрушения. Восстановление этого общества в его первоначальном виде не представляется возможной альтернативой.

Даже несомненная трансформация отношений между социологией и обществом — благодаря воздействию государства, гражданских организаций или университетов — должна быть помещена в исторический контекст и подвергнута критической оценке. Социологи-практики состоят в неустойчивых отношениях с властью, которая не всегда согласна с идеями нашей дисциплины. Таким образом, социология никогда не поддаётся влиянию элит целиком, но и не упускает их из виду.

Приведу пример. Социологи были одними из первых экспертов, привлечённых властями к тому, чтобы в прямом смысле переопределить границы государств Европы после Первой мировой войны. Однако позже многие из этих социологов, в том числе профессор Чикагского университета У. А. Томас, были с позором уволены и подвергнуты публичному посрамлению, когда их мнения об интернационализме, национальной идентичности и социальном порядке вступили в противоречие с идеями Антанты.

Важно отметить, что Томас и другие социологи, исключённые из послевоенных политических кругов, не были обеспокоены тем, как бы адаптировать социологию к нуждам своего государства. Они не исказили результаты своих исследований, чтобы послужить власти. Они напрямую работали с бедными, иммигрантами и другими маргинализованными слоями и действительно создавали институты, защищавшие этих людей и их интересы.

Некоторые проекты, организованные социологией совместно с властями или общественными движениями, были поистине чудовищны. В

качестве яркого, шокирующего примера можно привести евгеническое движение. Даже сравнительно безобидные затеи — например, «школа человеческих отношений» середины двадцатого века, для которой наша дисциплина имела центральное значение — делают социологию причастной к человеческим страданиям (в данном случае — к той цене, которую люди и общество платят за промышленную организацию труда).

Нам необходимо обратиться к подобным историческим примерам, если сбудутся наши худшие страхи, связанные с авторитаризмом и фашизмом. В данный момент мы обеспокоены социологией как практикой. Если случится худшее, нам как профессионалам необходимо пересмотреть, улучшить и усилить наш этический кодекс, чтобы наши навыки и знания не оказались поставлены на службу несправедливости. Пусть социологи и являются экспертами в области авторитаризма, тем не менее, они всегда ему противостоят.

Нам также необходимо признать, что социология никогда не была гомогенной, монолитной дисциплиной с однозначным отношением к силам и институтам, задающим курс общественной жизни. Как многогранный комплекс знаний, методов и теорий, эта наука не может целиком и полностью одновременно оказаться в опале или, наоборот, в почёте у властей.

Любопытен следующий факт: накануне президентских выборов в США, именно тогда, когда нам казалось, что о социологических причинах сейчас никто не хочет слышать, книга социолога Арли Расселл Хохшилд «Чужие в собственной стране» (“Strangers In Their Own Land”) стала бестселлером по версии «Нью-Йорк таймс». В этой книге рассматривается типичный гражданин, голосовавший за Трампа.

Последние работы Хохшилд, кроме всего прочего, относятся к социологии деревень — разделу науки, предлагающему широкие возможности

влияния на государственную политику. В периферийных сообществах, по всей видимости, цена глобализации сводит на нет все её блага. Политические деятели, работающие в этих сообществах, признают, что некоторые фундаментальные убеждения здесь перестают работать — к примеру, идея экономического роста любой ценой, рентабельность экономики, ориентированной на экспорт, и общее понятие о том, что больше — значит лучше. Также главы этих сообществ хорошо знают, что происходит, когда государственная и институциональная политика игнорирует коллективное поведение, коллективные ценности, нормы и принципы.

Критическая масса граждан, учёных и политиков мира в данный момент занимается построением альтернативных экономических концепций. Растущее число исследований и активистских движений ставит под вопрос бесконечную гонку за экономическим ростом, руководствуясь соображениями экологии и экономики. Активно развивающееся мировое сообщество старается пошатнуть устойчивость таких критериев экономического успеха, как ВВП, являющихся ведущими принципами внутренней и внешней политики. Эти попытки дестабилизации способны открыть «новые миры»; впрочем, они могут и оказаться использованы в тех же старых целях, на критику которых они были направлены.

Вот почему работа социолога никогда не кончается. Необходимость в социологических знаниях всё ещё существует. Если мы чувствуем, что «нас занесло» или что дисциплина катится под откос, нужно с точностью прояснить, что конкретно изменилось. А источником этой точности, этого чутья, является то качество разума, которое делает социологию последовательной наукой вопреки её гетерогенности — социологическое воображение. ■

Корреспонденцию направляйте Карен Фостер на адрес Karen.Foster@Dal.Ca

> Как добиться внимания СМИ в непростые времена

Фуюки Курасава, Йоркский университет, Канада, член правления Исследовательского комитета МСА по социологической теории (ИК16)

донесении социологического взгляда на ключевые социальные, политические, культурные и экономические проблемы до широких масс.

Более того, общение со СМИ помогает совершенствованию профессиональной и публичной социологии. Оно позволяет нам увидеть более широкий спектр идей, мнений и опытов, и заставляет адаптировать нашу работу и ее результаты к аудиториям, не привыкшим к академическому дискурсу.

В глобальном плане канадский опыт может преподать немало ценных уроков. В двух существующих в Канаде лингвистически дифференцированных публичных сферах средства массовой информации воспринимают социологов совершенно по-разному. Здесь мы видим две независимые модели, соответствующие тому, как СМИ реагируют на социологов в остальных частях планеты. Соответственно, в рамках этих моделей ученые пользуются двумя типами стратегий по участию в публичных дебатах: в качестве профессионалов-специалистов и публичных интеллектуалов.

В англоязычной Канаде, как и в остальном англо-американском мире, профессиональная социология является более распространенным модусом дисциплинарной

Кажется, сейчас не самый подходящий момент приглашать социологов к диалогу со СМИ. Расцвет популистского национализма и религиозного фундаментализма вдохновляет политиков и звезд на то, чтобы открыто выражать неодобрение или неприятие любой формы экспертного знания. В наш век микса информации и развлечений политики и звезды фактически не различимы. В этом контексте социологи могут постараться бросить вызов всеобщей необразованности и равнодушию; это возможно, поскольку мы вскрываем неудобную правду, способную подорвать разнообразные догмы или противостоять стереотипам здравого смысла.

Призыв к работе со СМИ также противоречит широко распространенному в социологическом сообществе представлению о медиа-ор-

ганизациях как инструментах корпоративной или государственной власти и о социологах, общающихся с журналистами, как о поверхностных, тщеславных дилетантах, которым чужда серьезная научная работа. За последние несколько лет получили широкое распространение методички по работе в социальных СМИ для исследователей, стремящихся достучаться до широкой общественности. Стало казаться, что традиционные СМИ все ближе к тому, чтобы окончательно оказаться на технологической и культурной свалке истории.

Несмотря на обоснованность таких представлений, я считаю, что нежелание общаться со СМИ лишает социологов доступа к важному каналу массовых коммуникаций. Массовый охват медиа до сих пор не имеет равных. В настоящий момент существует острая необходимость в

практики. Здесь новостные каналы в основном обращаются к социологам как к специалистам по конкретному интересующему их вопросу, освещаемому в новостях на данный момент (например, судьбы сирийских беженцев, или школьные домогательства, подстрекаемые расцветом социальных медиа). В то же время, в соответствии с американской и британской тенденциями, англо-канадская социология остается на второстепенных ролях по сравнению с экономикой, психологией или политологией. Представители этих дисциплин значительно чаще фигурируют в престижных национальных телевизионных и радиовещательных программах и в газетных интервью.

Во франкофонном Квебеке, с другой стороны, социология играет важную роль в публичной сфере — и эта роль состязается с ее профессиональной ролью, а иногда и вовсе превосходит ее, подобно ситуации в Латинской Америке или континентальной Европе, где дисциплине оказывают высокую степень социально-культурного почтения. Начиная с антиклерикальной и модернизационной Тихой революции 1960-х гг. социологи вносят немалый вклад в формулировку социальных и культурных основ франкофонной квебекской коллективной идентичности и государственности. В результате социологов в Квебеке воспринимают как публичных интеллектуалов, сведущих в широком спектре общекультурных вопросов. Журналисты нередко просят социологов высказаться на счет общих социальных и политических вопросов, спрашивая: «Что вы как социолог думаете?» по поводу определенной темы.

Хотя выше мы описали канадскую ситуацию, двойное позиционирование социологии — как специализированной профессии и как публичного интеллектуального призвания — встречается во множестве контекстов. Более того, поскольку риски и вознаграждения различаются в зависимости от положения социологов визию СМИ, ученым необходимо прибегать к двум отличающимся стратегиям общения с масс-медиа.

В англо-американском мире, где легитимность социологии относительно меньше выражена и в основном опирается на профессиональную специализацию, можно сформулировать три совета, которые могли бы помочь дисциплине стать более публично значимой:

- **Поймите своё положение.** Изучите идеологический и профессиональный ландшафт СМИ в своей стране, чтобы понять, какая от вас ожидается роль. Почему с вами связались продюсеры или журналисты? Зачем требуется ваше экспертное мнение? В какой форме будут фигурировать ваши высказывания в той или иной статье или при появлении в передаче?

- **Предпочитайте разнообразное питание.** Позаимствуйте у социологии медиа аналитический принцип репрезентативной выборки и соглашайтесь на интервью с менее престижными новостными ресурсами — локальными радиостанциями, маленькими газетами и так далее. Это позволит вам достигать до аудитории, не знакомой с социологическим взглядом на обсуждаемую проблему.

- **Мнения дешевы и повсеместны, а (социологические) факты непросто добыть.** В век социальных медиа у каждого человека есть мнение и платформа для его выражения. Ваша же особенность как профессионала заключается в том, что вы способны развеять множество популярных мифов, сославшись на исследования и факты, а также поместить определенное событие в широкий социально-исторический контекст.

Для тех контекстов, где социологи регулярно выполняют роль публичных интеллектуалов и где их медиа вовлеченность профессионально специализирована, я предлагаю два совета:

- **Задавайте правила игры.** Так как журналисты или продюсеры обычно проводят предварительное интервью с социологами и высоко

ценят их советы, воспользуйтесь возможностью направить обсуждение в более подходящее на ваш взгляд русло. Посоветуйте альтернативные способы освещения проблемы, рекомендуйте коллег для интервью с представителями медиа, или присылайте им отчеты, данные или даже (NB!) цитируемый журнал или книгу по этому вопросу.

- **Не отвлекайтесь от цели.** Учтите, что вас воспринимают в роли публичного интеллектуала. Вы можете поддаться соблазну высказать свое мнение по поводу общей ситуации в мире. Вместо этого вернитесь к вопросам, касающимся непосредственно ваших сфер компетенции. Говорите кратко и фокусируйтесь на ключевых моментах, чтобы представленный вами анализ ситуации был доступен, но не чрезмерно упрощен, абстрактен и лишен конкретики.

Последний совет касается обоих контекстов: время — это главное! Жесткие дедлайны и исчезающая новостная ценность священны для медиа. Вам необходимо научиться уместять запросы СМИ, часто сделанные в последний момент, в свой график. Репортеры, продюсеры и редакторы не могут и не будут ждать, пока вы найдете время для интервью, ведь чем больше времени проходит, тем меньший интерес вызывает у публики их сюжет.

Я не считаю, что социологи должны превратиться в неугомонных болтунов или скучных ученых мужей. Я стараюсь обрисовать перспективы обновления сотрудничества ученых со СМИ. Нам надлежит культивировать двойственную роль социологии как публичного призвания и профессиональной дисциплины, чтобы создать альтернативу пиару, предпринимательским банальностям или циничному оппортунизму, которые в наши смутные времена слишком часто принимают за истинную мудрость. ■

Корреспонденцию направляйте Фуюки Курасаве на адрес kurasawa@yorku.ca

> Университеты США: новое пространство для борьбы мигрантов?

Сандра Портокарреро и Франциско Лара Гарсия, Колумбийский университет, США

Студенты американского университета требуют, чтобы их кампус стал убежищем для студентов — нелегальных иммигрантов.

Администрация президента Обамы 15 июня 2012 г. объявила о создании программы «Отсроченные действия для детей-мигрантов» (*Deferred Action for Childhood Arrivals, DACA*), внося изменения в иммиграционную политику США. Программа позволила примерно 1,7 миллиону молодых иммигрантов, не имеющих документов и пересекших границу Соединенных Штатов до совершеннолетия, получить возобновляемое двухлетнее административное освобождение от депортации. Программа

также предоставила молодым мигрантам, не имеющим документов, право на получение разрешения на работу и расширенный доступ к высшему образованию. Большинство жителей США воспринимают такие привилегии как жизнь без страха депортации, способность поиска работы или получения образования как нечто само собой разумеющееся. Принятая администрацией Обамы программа распространила эти свободы на молодых иммигрантов без документов, позволяя людям, считающим США своим домом, спокойно

>>

пользоваться этими привилегиями, по крайней мере, в период отсрочки.

После избрания Дональда Трампа на пост президента США спокойствие быстро сменилось тревогой. Страх, связанный с антимигрантской риторикой, характеризовавшей кампанию Трампа, распространился по стране со скоростью света. В большинстве случаев бенефициары программы DACA опасались, что меры защиты, предоставленные администрацией Обамы, будут отменены в кратчайшие сроки. Но беспокойство затронуло значительно большие слои населения: мигранты, независимо от их правового статуса, боятся, что новые драконовские иммиграционные ограничения могут затронуть каждого из них.

Все опасения подтвердились 27 января 2017 года, когда президент подписал Указ, запрещающий въезд в страну гражданам семи стран с преобладающим мусульманским населением. В связи с нечетким языком Указа и его дифференцированным применением иммигранты всех национальностей и юридических статусов, включая беженцев и американских граждан, оказались в центре бурной кампании, вызвавшей протесты по всей стране. Все иммигранты, будь то беженцы, обладатели студенческих виз или видов на жительство, внезапно проснулись в новых Соединенных Штатах, где вероятность того, что их могут допросить или задержать, где им даже могут запретить въезд в страну, резко возросла. Директивы Госдепартамента ограничили въезд даже для граждан США, обладающих двойным гражданством со странами, упомянутыми в Указе.

Всего за один день чувство уязвимости охватило не только мигрантов, не имеющих документов, но практически любого человека с ярлыком «иммигрант». Хотя Федеральный окружной суд в Сиэтле быстро заблокировал Указ, эта история продемонстрировала, что иммиграционная политика Белого дома при Трампе не будет проявлять чувствительность к различиям. Эти опасения вновь подтвердились 6 марта 2017 года, когда новый Указ президента запретил въезд в страну гражданам семи преимущественно мусульманских государств. Это одна из самых жестких мер иммиграционной политики США за последние десятилетия.

Наверное, такие конфликты нигде не могут ощущаться так остро, как в американских колледжах и университетах.

Институционально как в государственных, так и в частных американских университетах представлены крайне гетерогенные группы мигрантов в рамках преподавательского состава, административного персонала и студенческих организаций. Программа DACA администрации Обамы помогла расширить это разнообразие: бенефициары DACA, наконец, смогли поступить в университеты, где аудитории заполнены иностранными студентами и где профессора являются представителями самого образованного класса мигрантов. Ни одно другое современное учреждение не собирает так много людей, принадлежащих к разным социальным классам, расам и этническим группам, имеющих самый различный миграционный статус.

Таким образом, совершенно неудивительно, что университеты по всей стране присоединились к многочисленным голосам, возражающим против запрета на въезд. 13 февраля 2017 года в Окружной суд США по восточному району Нью-Йорка было подано консультативное заключение, составленное шестнадцатью университетами США, в том числе всеми университетами Лиги Плюща, оспаривающее президентский Указ. В нем утверждалось, что «проблемы безопасности страны могут быть решены таким образом, чтобы соответствовать целям, которые всегда поддерживали Америка, включая свободный поток идей и людей через границы и приветствие иммигрантов в наших университетах».

Аналогичным образом 30 января 2017 года Американская социологическая ассоциация (ASA) опубликовала заявление, в котором высказалась против первоначального распоряжения Трампа и привела ряд предложений относительно эффективного осуществления коллективных действий. Социологи встроены в большую сеть организаций, сеть, которая может оказаться более эффективной, если мы будем активны и станем сотрудничать. В тот момент, когда человек, производящий враждебную антимигрантскую риторику, был избран президентом Соединенных Штатов, академические институты были вынуждены превратиться из наблюдателей в активных участников общества, что отразило, по выражению Майкла Буравого¹, уникальную позицию университетов в современном мире. Они находятся одновременно внутри и вне общества, являясь активными участниками общественной жизни и сторонними наблюдателями за ним. Иными

словами, эти публичные заявления превратили сферу социологии в сферу политического противостояния.

Социологам было бы полезно обратить внимание на возникающую динамику взаимодействия между различными группами иммигрантов в университетских городках — новое явление, которое, возможно, свойственно коллегиальным местам. Сегодня учреждения, которые нанимают или представляют иммигрантов, как правило, выступают за разрешение притока мигрантов определенного экономического профиля и уровня образования. Так, например, сельскохозяйственные объединения лоббируют политику, гарантирующую приток дешевых и многочисленных сельскохозяйственных работников и незарегистрированных поденщиков, в то время как технические фирмы в Силиконовой долине хотят ускорить вербовку и найм высококвалифицированных инженеров и компьютерных специалистов. Но американский университет, собирая столь разнообразный контингент различных иммигрантских групп, имеет необычный потенциал: он может служить местом для самоорганизации иммигрантских общественных движений или площадкой эффективного сопротивления повестке дня Трампа. Однако и неудача (такая как не случившееся сотрудничество) может быть не менее поучительной, так как выявляет границы возможностей межсекторального взаимодействия и проблемы создания надежных сетей солидарности среди иммигрантских групп.

В целом, в то время как американское гражданское общество реагирует на вызовы эпохи Трампа, социологи должны уделять пристальное внимание динамике взаимодействия групп мигрантов в университетах. Возможно, еще слишком рано оценивать значение этих процессов, но когда наступит подходящий момент, нам понадобится подход, который концептуализирует особую позицию американского университета и не упускает из виду, что университеты — это многомерные пространства, действующие на пересечении различных интересов. ■

Корреспонденцию направляйте: Веронике Портокарреро на адрес svp2118@columbia.edu. Франсиско Лара Гарсиа на адрес f.laragarcia@columbia.edu

¹ "Redefining the Public University: Developing an Analytical Framework," Transformations of the Public Sphere, Social Science Research Council, 2011.

> Представляем аргентинскую команду переводчиков

Хуан Игнасио Пиовани, член ИК МСА по исследованию будущего (ИК07) и логики и методологии (ИК33), **Пилар Пи Пуйг** и **Мартин Уртасун**, Национальный университет Ла-Платы, Аргентина

Наша команда присоединилась к «Глобальному диалогу» в 2016 г., сменив колумбийскую группу под руководством Махо Альварес Ривадульи, которая в течение пяти лет переводила журнал на испанский язык. Для нас каждый выпуск ГД представляет не только вызов, но и возможность научиться новому. Каждый раз, когда мы в течение нескольких недель интенсивно трудимся над переводом, мы получаем удовольствие от выполненной работы.

Перевод — задача, не отличающаяся однозначным решением. Как недавно было отмечено румынской командой, первая проблема — это новые слова, для которых ещё нет конвенционального перевода. Тем не менее, поскольку испанским языком широко пользуются как научные круги, так и международные организации, при переводе социологических и политологических неологизмов мы опираемся на множество источников — статьи, отчёты, нормативные документы и т. д. Однако сам факт повсеместной распространённости испанского языка ставит перед нами особые задачи. Испанский является официальным языком двадцати одного государства и родным языком для пятисот миллионов носителей. И в каждом регионе, даже если речь идёт о научных кругах, говорят на своём особом варианте языка, а значит, каждое понятие может быть сформулировано несколькими разными способами. Мы проводим много времени над решением этой задачи и обсуждаем, как должен звучать относительно «нейтральный» испанский или как учесть при переводе локальные и региональные диалекты.

Однако сложности, связанные с множественностью вариантов произношения и восприятия, касаются не только выбора конкретного варианта языка. Так, например, трудным моментом оказался перевод английского слова *liberal*, казалось бы, уже имеющего «прозрачный» испанский эквивалент. В данном контексте слово «либе-

ральный» относилось к политическим симпатиям одного политика. Нашим первым вариантом, разумеется, было испанское слово *liberal*. Однако в Испании и большинстве стран Латинской Америки этот термин имеет явно консервативную коннотацию. Был предложен альтернативный вариант — *progresista* (прогрессивный), однако во многих латиноамериканских контекстах это бы вызвало ассоциации с левым крылом. Было бы крайне неверно использовать термин *progresista*, чтобы охарактеризовать политика, который, к примеру, имеет прогрессивный взгляд на семейные ценности, однако всё же поддерживает неолиберальную экономику, масштабные военные интервенции и подобную политику (как это делают многие так называемые либералы в развитых странах). Перевод этого термина требует более тщательного рассмотрения различных вариантов и их выбора для смысла текста.

Другая проблема, с которой мы регулярно сталкиваемся, связана с родом существительных — грамматической категорией, сильно различающейся в английском и испанском языках. Разумеется, команда редакторов ГД знает о борьбе за права женщин, происходящей во всём мире, а в журнале публикуются статьи о женских правах, гендерных проблемах и феминистских дебатах в различных странах. Многие критики утверждают, что испанский (как и многие другие языки) содержит гендерно дискриминирующие элементы; а значит, некоторые авторы могут придерживаться стратегий, помогающих бороться с дискриминацией в языке, особенно если текст посвящён гендерному неравенству или сходным темам. Однако мы нередко переводим англоязычные тексты, оригинал которых был написан на другом языке с более выраженной гендерной дискриминацией, чем в английском. В таких случаях словесные нюансы, используемые авторами текста для борьбы с дискриминацией и сексизмом в своём родном языке, могут потеряться в испанском переводе.

Наша команда, в отличие от других более крупных, состоит лишь из трёх сотрудников Института социологии Национального университета Ла-Платы. Как только мы получаем английский вариант ГД, Пилар и Мартин делят между собой статьи по принципу тематической близости и исследовательских интересов. Сначала переводчики работают над статьями самостоятельно, а позже проверяют друг друга. Затем Хуан проводит тщательную и подробную редакцию всех статей. В ходе работы мы получаем бесценные рекомендации

от Лолы Бусуттил, чьё знание нескольких языков и солидный опыт перевода помогает нам совершенствовать испанскую версию ГД.

Участие в создании ГД развивает наши переводческие навыки и знакомит нас с обширным спектром социальных тем и контекстов. Благодаря «Глобальному диалогу» мы получаем новые знания о мире и таким образом стимулируем развитие нашего социологического воображения.

Хуан Игнасио Пиовани — профессор Факультета социологии Национального университета Ла-Платы, научный сотрудник Национального научно-технического совета (CONICET, Аргентина). Получил степень магистра наук в области методов социальных исследований и статистики в Лондонском городском университете (Великобритания) и степень PhD в области методологии социальных наук в Римском университете Ла Сапиенца (Италия). Обучался в аспирантуре в Национальном университете Кордовы (Аргентина) по программе «Социальные науки» и в Федеральном университете Рио-де-Жанейро (Бразилия) по программе «Социология и антропология». В течение нескольких лет занимался исследованиями истории, смысла и эпистемологических оснований социологических методов. С 2011 года — директор исследовательской программы «Современное аргентинское общество» (PISAC), объединяющей несколько проектов. В программу включено 50 Школ социальных наук в Аргентине.

Пилар Пи Пуйг изучала социологию в Национальном университете Ла-Платы (Аргентина). В данный момент является аспиранткой того же университета по программе социальных наук. Её исследовательские интересы находятся в области экологической социологии: это экология, бедность и неравенство в городских контекстах. Работает на факультете социологии Национального университета Ла-Платы, работает в нескольких проектах, посвящённых методологическим проблемам исследования бедности и неравенства. Также участвует в организации курсов популярных лекций в неблагополучных районах города Ла-Плата и в программах обмена с коллегами из Университета в Вуппертале (Германия).

Мартин Уртасун изучал социологию в Национальном университете Ла-Платы (Аргентина), в данный момент учится в аспирантуре по программе «Социальные науки» и получает стипендию Национального научно-технического совета (CONICET). Исследует актуальную «предупредительную» политику безопасности, основанную на использовании технологий, в частности, видеонаблюдение в городских пространствах. Придерживается этнографического подхода, теоретическим основанием которого является социология практик и науки, технологий и общества. Также интересуется популярным образованием, является преподавателем и активистом Народного университета для взрослых, организованного в рамках общественного движения.

Корреспонденцию направляйте:

Хуану Игнасио Пиовани на адрес juan.piovani@presi.unlp.edu.ar.

Пилар Пи Пуйг на адрес pilarpipuig@gmail.com.

Мартину Уртасуну на адрес martinjurtasun@gmail.com